

секретный рейд адмирала Брэда

Богдан Сушинский

секретный фаворит

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский

Секретный рейд адмирала Брэда

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Секретный рейд адмирала Брэда / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ», 2015 — (Секретный фарватер (Вече))

В основу романа положен реальный, хотя и окруженный тайной, а поэтому овеянный легендами рейд, совершенный в 1946—1947 гг. эскадрой американских военно-исследовательских кораблей под командованием известного арктического исследователя контр-адмирала Ричарда Бёрда. Целью этого рейда, приведшего к военным столкновениям с неизвестными воинскими формированиями, было обнаружение и ликвидация секретной германской военной «Базы-211» в Антарктиде. Новый военно-приключенческий роман-версия известного писателя, лауреата международных литературных премий имени А. Дюма (1993) и А. Фадеева (2007) Богдана Сушинского является своеобразным логическим продолжением романов «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

Содержание

1	5
2	11
3	19
4	24
5	30
6	37
7	41
8	44
9	47
10	51
11	57
12	61
13	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Богдан Сушинский

Секретный рейд адмирала Брэда

1

*Ноябрь 1946 года. Атлантический океан
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида»*

Эскадра уходила на закате. После двухдневного отдыха в промозглой, всеми ветрами Антарктики продуваемой гавани Порт-Стэнли, контр-адмирал Роберт Брэд поспешно выводил ее из окаймленного болотистыми холмами Фолклендского залива и, ложась на зюйд-ост, ритуально нацеливал на Антарктический полуостров.

Где-то там, в северной части этой суши, на Земле Грейама, в конце сорок четвертого англичане заложили военный лагерь «Табарин», давший затем название всей секретной операции британского королевского флота по созданию на острове Кинг-Джордж и на Антарктическом полуострове трех военно-исследовательских баз¹.

Так вот, в одном из фиордов, южнее «Табарина», к эскадре должен был присоединиться отряд коммодора² Бертолко – в составе двух военных ледоколов, с четырьмя самолетами ледовой разведки и батальоном полярных морских пехотинцев на борту, под прикрытием мощной подводной лодки «Хардести».

Однако слияние отряда Бертолко с эскадрой должно было произойти лишь через несколько дней, а пока что контр-адмирал Брэд уводил от неприветливых берегов Восточного Фолкленда девять надводных судов и субмарину «Баунти». Лучшую субмарину американского подводного флота.

Исходя из радиоперехватов, осуществленных радистами тайной германской станции, все еще действующей на атлантическом побережье Аргентины, кодовую фразу «Приступаю к операции «Высокий прыжок»³ флагманский авианосец «Флорида» должен был передать в штаб военно-морских сил США лишь через двое суток. Однако предшествовавшая его выходу в океан утечка информации была всего лишь контрразведывательной игрой, понадобившейся адмиралу, чтобы, выигрывая время, максимально приблизиться к Земле Принцессы Астрид в районе массива Вольтат, где, собственно, и должна начинаться основная фаза секретного рейда.

«Вольтат! – мысленно ухмыльнулся адмирал, вспомнив, что назван был так массив по воле рейхсмаршала Геринга, стремившегося увековечить на ледовой карте Антарктиды имя одного из финансистов фюрера. – А ведь могло случиться так, что эти или соседние горы носили бы твое имя, как и обещано было тогда командиром авианосца «Швабенланд» бароном фон Риттером».

Брэд вновь ухмыльнулся и пристально всмотрелся в горизонт, на котором вырисовывалось нечто среднее между призрачной белесой тучей и вполне реальным айсбергом.

¹ Исторический факт: в ходе секретной операции «Табарин» англичане в конце войны действительно основали на одном из Южных Шетландских островов и на Антарктическом полуострове три свои опорные базы, демонстрируя таким образом притязания на эту часть Антарктики.

² Чин коммодора приравнивается к чину бригадного генерала остальных родов войск США. Еще его можно приравнять к чину командора.

³ Именно такое название – «Высокий прыжок» («High Jump») – и носил этот, теперь уже легендарный, рейд адмирала Ричарда Бёрда, легший в основу романа.

Ему было что вспомнить. Еще бы: знаменитый полярник барон фон Риттер!.. Нашумевшая экспедиция германцев, с исследованием огромной территории Новой Швабии. Слухи об открытии каких-то таинственных, теплых, а посему вполне приспособленных к жизни пустот в толще материка...

Понятно, что эти воспоминания выглядели бы значительно конкретнее, если бы тогда, в тридцать восьмом, он безропотно согласился участвовать в экспедиции авианосца «Швабенланд». Не обращая при этом внимания на то, что большая часть команды судна была укомплектована эсэсовцами. Настоящей большой экспедиции, способной хоть как-то прояснить вопрос о том, что же на самом деле происходит в Антарктиде, есть ли обитатели в ее подземельях. И что в легендах и мифах, которые гуляли в среде полярников, так и следовало оставлять во власти мифов, а что нужно было воспринимать в виде отголосков реальной научной информации.

Это сейчас Брэд с облегчением мог сказать себе: «Как хорошо, что ты вовремя ушел из компании этого Странствующего Бездельника, с его скопищем эсэсовцев!» А тогда, читая в газетах о полетах над огромной территорией к югу от Берега Принцессы Астрид и Берега Принцессы Марты; о ледовых десантах и десятках тысяч авиаснимков, будущий адмирал терзался покаянными сомнениями: «Стоило ли впадать в политические амбиции, когда открывались такие возможности для исследования Антарктиды?!».

В конце концов, во главе экспедиции стояло двое его коллег, арктических исследователей: барон Людвиг фон Риттер, известный в кругу европейских полярников под прозвищем «Странствующий Бездельник», и не менее популярный арктический бродяга «Полярный Барон» Теодор фон Готт. Какие имена, какие исследовательские биографии, какая известность в научных кругах!

А что за их спинами просматривался лик фюрера Великогерманского рейха и рейхс-маршала Геринга... Ну так мало ли что! За кем-то просматривались хищные лики Сталина и Берии, за кем-то – Муссолини, Антонеску, Черчилля или Франко. И, поди, знай, кто и как будет оценен со временем этой «старой шлюхой» Историей! Зато, какой еще правитель довоенной Европы выделил бы для подобной экспедиции более трех миллионов рейхсмарок, не считая стоимости военно-технического участия флота и авиации, да частной поддержки влиятельнейшей авиастроительной компании «Люфтвафза»?

– Видите вон ту скалу по левому борту, сэр? – хриловатым голосом спросил командир авианосца кэптен⁴ Николас Вордан, указывая на небольшой скалистый островок, открывающийся в розовато-фиолетовых лучах холодного предзакатного солнца.

Брэд молча навел бинокль на указанный им осколок суши, однако, не обнаружив там ничего достойного внимания, вопросительно, но как-то слишком уж заторможенно взглянул на командира авианосца.

– Именно там и завязался первый в моей жизни бой, когда совсем еще юным кадетом я вышел в океан на флагманском корабле английского адмирала Стэрди.

– Стэрди?! – удивленно переспросил Брэд, напряженно всматриваясь в лицо командира «Флориды».

– Пять наших, английских, крейсеров против четырех германских адмирала Шпее, – напомнил ему кэптен. – Потрясающее было светопредставление, сэр. Уйти удалось только одному германцу, и жаль, что с адмиралом на борту. Правда, мы тоже понесли потери, но, позволю себе заметить, сэр, это была настоящая битва.

⁴ Чин кэптен приравнивается к чину капитана первого ранга (полковника). В Военно-морском флоте США существует довольно сложная система чинов и чинов-должностей. Для простоты восприятия я адаптировал их к чинам, существующим в русском и некоторых других европейских флотах. Кстати, замечу, что в американском флоте, как и в армии, не принято (хотя и не запрещено) обращаться к старшему по чину с упоминанием его чина. Используется универсальная форма обращения: «сэр». – Прим. автора.

– Это о какой такой битве вы мне пытаетесь поведать, Вордан?! – не сразу сообразил Брэд. – Не о той ли, которая происходила еще в Первую мировую?

– В начале декабря, четырнадцатого, сэр, если уж быть предельно точным.

– Хорошо хоть не во времена гражданской войны между Севером и Югом США, якорь мне в глотку! – иронично прокомментировал адмирал. Он был известным исследователем Антарктиды и Арктики, профессором, доктором, однако адмиральский мундир надела на него война, а не родовая военно-морская традиция. У Брэда не было за плечами военно-морской академии, он плоховато знал историю Военно-морского флота США, но еще хуже – имена его бывших адмиралов и командоров. Настолько плохо, что уже давно не пытался скрывать этого, поскольку скрыть это уже было невозможно.

– ...И начинал я тогда на британском флоте Его Королевского Величества, – все же счел нужным уточнить Николас Вордан. Он давно определил для себя, что единственное, что есть в адмирале Роберте Брэде от настоящего морского волка, – это его истинно пиратская присказка: «Якорь мне в глотку!», которая, впрочем, куда больше подошла бы какому-нибудь главному старшине⁵, а не адмиралу с профессорским прошлым. Впрочем, присказку «якорь мне в глотку», по собственному признанию адмирала, он позаимствовал у какого-то германского морского офицера. Встречалась она не так уж и редко, однако в устах адмирала Брэда звучала как-то по-особому броско и цинично.

– А в прошлую войну сражаться в этих водах вам не приходилось? – спросил адмирал уже в те минуты, когда кэптену казалось, что тема исчерпана.

– В прошлую – нет, только в Первую мировую. В прошлую тоже сражался, но в других координатах. Однако противник, позволю себе заметить, сэр, был тот же, с которым нам вскоре предстоит встретиться в Антарктиде, – германцы.

– Считаете, кэптен, что они все еще там? – окончательно оставил в покое свой бинокль контр-адмирал. В это время он вновь вспомнил о двух германских баронах-полярниках – фон Риттере и фон Готте.

Уже готовясь к экспедиции, адмирал настоятельно потребовал от ее начальника службы безопасности полковника Ричмонда еще раз навести справки об этих «полярных баронах» рейха. Из самых секретных тайников американской разведки тот добыл для него те же гипотетические сведения, которыми он столь же гипотетически владел: что к концу войны барон Теодор фон Готт якобы являлся комендантом сверхсекретной германской военной «Базы-211», а барон Людвиг фон Риттер возглавлял ее службу безопасности.

Единственное, чем мог похвастаться при этом Ричмонд, – что сведения подтверждены командиром одной из сдавшихся субмарин «Фюрер-конвоя» и еще кем-то там из ближайшего окружения переметнувшегося в США ракетного конструктора Вернера фон Брауна.

«Что-то я не слышал, чтобы в наших руках оказалась хотя бы одна субмарина «Фюрер-конвоя» – усомнился тогда адмирал. – То есть несколько германских субмарин все же были захвачены нами, как, например, те две, которые сдались моим морякам летом сорок пятого у берегов Аргентины. Однако никаких доказательств того, что они принадлежали к соединению «Фюрер-конвоя», не существует.

«Это было признано их командирами».

«Что и вызывает сомнения, колонел⁶. Соединение-то было секретным, и большинство командиров его субмарин приняли клятву членов СС. Да и субмарины этого конвоя были

⁵ На многих небольших американских судах той поры мастер-главный старшина пребывал в должности боцмана. Этот чин приравнивался к чину сержанта-майора в пехоте и морской пехоте, а также к чину главного мастера-сержанта в авиации США. На больших судах эту должность мог занимать старший уоррент-офицер (приблизительно – старший мичман в российском флоте).

⁶ Colonel (колонел) – английское название чина полковника американской армии, предшествующего чину бригадного генерала (brigadier general), располагающегося в табели о рангах между полковником и генерал-майором.

особой постройки, значительно превосходя своими размерами обычные. Разве что захваченные нами субмарины использовались командованием «Фюрер-конвоя» взамен погибших или в роли вспомогательных».

«Лично я приемлю любой вариант ответа», – раздосадованно заметил полковник Ричмонд. Он терпеть не мог, когда кто-либо из старших офицеров высказывал хоть малейшее сомнение в достоверности данных разведки.

«Да и вряд ли Дениц посвящал в свои тайны опального барона фон Брауна, которого фюрер чуть было не поджарил в одном из лагерных крематориев», – окончательно добил его контр-адмирал Брэд.

Тем временем капитан Вордан выдержал паузу, достойную старого морского волка, и, старательно погасив в пепельнице дотлевающую сигару, проворчал:

– Это вы, сэр, как исследователь Антарктиды должны были бы убеждать меня, что германцы все еще находятся в каких-то мифических подземельях Антарктиды, – напомнил ему командир авианосца «Флорида». – Как еще совсем недавно убеждали высшее командование Военно-морского флота и окружение президента. Так что, вам ли сомневаться, сэр?

– Если бы я не сомневался в том, что германцы действительно базируются в подземной части Антарктиды, то, якорь мне в глотку, эскадрой командовал бы кто-то другой. Я бы попросту потерял к этой экспедиции всякий интерес.

Вордан метнул подозрительный взгляд на контр-адмирала, и, следуя своей странной привычке, ожесточенно потер переносицу огромным, достойным кулачного циркового бойца, кулаком.

Брэд понял, что ответ прозвучал двусмысленно, однако уточнять его не стал. И потом, кто у них на базе не знал, что первоначально эскадру должен был возглавить Вордан? Для старого капитана это, очевидно, было последней возможностью достичь того, чего он так и не сумел достичь в годы минувшей войны, – сделать свой собственный «высокий прыжок»... в адмиралы. Но в таком случае поход эскадры с батальоном морской пехоты на борту к берегам Антарктиды выглядел бы в глазах мировой общественности обычным флотско-армейским рейдом. Именно таким и хотели бы видеть его полковник Ричмонд и кэптен Вордан. Да только антарктический исследователь профессор Брэд их союзником в этом вопросе быть не мог. И потом...

Как ни странно, против такого, сугубо армейского, подхода к этой акции выступило и командование Комитета объединенных штабов, и руководство Управления стратегических служб⁷. Во-первых, там справедливо полагали, что рейд в Антарктиду следует тщательно замаскировать под вполне благопристойную научную экспедицию, дабы не привлекать к ней особого внимания и русских, и своих недавних союзников. И лучшей кандидатуры, чем известный полярный исследователь адмирал Роберт Брэд, подыскать для роли руководителя этого похода было невозможно. А во-вторых, ни в УСС, ни в Объединенных штабах не было единства во взглядах на конечную цель экспедиции.

Но, в общем-то, все сходились во мнении: десант эскадры должен осуществить то же самое, что когда-то, еще в 1939 ом, было осуществлено экспедицией германского полярника фон Риттера⁸, то есть исследовать и «застолбить» за Штатами значительную часть территории Антарктиды, которая вполне могла соответствовать территории германской Новой Швабии. Тем более что среди трофейных документов, добытых в штабе главнокомандующего герман-

⁷ Центральное разведывательное управление (ЦРУ) было создано лишь в 1947 году, после операции «Большой прыжок». До его создания координирующим центром военной и гражданской разведок США, а также организатором всей диверсионной деятельности спецслужб США за рубежом было Управление стратегических служб.

⁸ Подробнее об этой операции, а также о создании германцами в Антарктиде секретной «Базы-211» и заложенной на ее основе подземной Рейх-Атлантиде читайте в романах «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

ского Военно-морского флота, гросс-адмирала Деница, обнаружили несколько сотен аэроснимков, карта Новой Швабии и даже копия отчета капитана Риттера об итогах экспедиции.

А еще в руки американских офицеров попал доклад адмирала Деница, в котором самым главнокомом германского Военно-морского флота были подчеркнуты слова: «Мои подводники обнаружили в глубинах Антарктиды настоящий земной рай. Мы создали там для фюрера неприступную крепость, где вырастет будущая раса «подземных арийцев»⁹.

Именно наличие в руках американской разведслужбы этого документа и стало самым веским доказательством правоты адмирала Брэда, настаивавшего на неотлагательном рейде к берегам Антарктиды. Причем неотлагательность эта определялась исключительно военно-стратегическими соображениями: нужно исследовать, а по возможности – и уничтожить, антарктическую германскую базу до того, как германцы намного опередят страны наземного мира в своем военно-техническом развитии.

Единственное, чего американской разведке пока что не удалось заполучить, так это конкретных и достаточно проверенных сведений о некоей секретной подземной базе германцев в Антарктиде, именуемой в некоторых агентурных донесениях то «Базой-211», то «Рейх-Атлантидой». Как не получено было и никаких данных о связях рейха с «высшими посвященными» Шамбалы и представителями внеземных цивилизаций. Однако отсутствие этих сведений лишний раз мотивировало подготовку к операции, уже получившей кодовое название «Высокий прыжок».

В то же время кое-кто считал, что следует ограничиться сугубо научной экспедицией, которая должна оставить после себя две-три полярные станции, то есть пойти тем же путем, которым пошли англичане в районе Антарктического полуострова. А тут еще ходили упорные слухи о появлении в различных антарктических районах «летающих дисков» и прочих диковинных летательных аппаратов, а в прибрежных водах Южной Америки и Южной Африки – германских подводных лодок из состава «Фюрера-конвоя». И это сейчас, осенью 1946 го, почти через полтора года после окончания мировой войны и капитуляции гитлеровского рейха!

Естественно, у военной разведки возникал вопрос: откуда «летучие голландцы океанских глубин» берутся, за счет каких ресурсов осуществляют плавание, а главное, какова цель их скитаний? И существует ли у этих подводных скитальцев какая-то связь с «летающими дисками». Да и вообще, что там, у берегов шестого континента, и на его ледниках происходит?

– То есть вы, сэр, не уверены, что германская секретная «База-211» в Антарктиде действительно существует? – обескураженно попытался уточнить командир «Флориды».

– Если бы я был достаточно уверен в ее существовании, у меня пропал бы всякий научный интерес к этой экспедиции.

– «Научный»? – снисходительно хмыкнул командир авианосца, пожимая плечами. – Ах да, я забыл, что, прежде всего, вы – полярный исследователь, а уже затем моряк и даже адмирал. Но зато вы единственный во всей эскадре, кто действительно познал, что такое зимовка за полярным кругом, – тотчас же попытался Вордан загладить свою вину, – и в палатке, и в этом, как его там, в эскимосском снежном домике.

– Иглу.

– Простите?

– На языке эскимосов их снежное жилище называется «иглу».

– Именно это я имел в виду, сэр.

⁹ Эти слова действительно были произнесены в свое время гросс-адмиралом Деницем, и до сих пор они служат, пусть пока и косвенным, доказательством существования в глубинах Антарктиды и германской «Базы-211», и мифической Страны Атлантов.

– Мало кто согласится со мной, что иглу – гениальное изобретение, максимально приспособленное и обоснованное самим способом бытия полярных народов. Только благодаря этому типу жилища, выжили тысячи полярных охотников, а значит, выжил сам полярный народ.

– Недавно я прочел «Дневник капитана Скотта» с комментариями по поводу его экспедиции к полюсу и его гибели. Преодоление ледовой пустыни, это, позволю себе заметить, сэр, особое мужество. Но преимущество Амундсена в том и заключалось, что он привез с собой кого-то из северных, кажется из гренландцев, которые и строили для него эти самые «иглу».

Адмирал вновь мельком взглянул на Вордана. То, что этот морской бродяга хоть иногда предается чтению сочинений, уже само по себе вызывало у него уважение.

Но еще большее уважение вызывало у Брэда то, что командир авианосца завел речь о «Дневнике капитана Скотта», книге, которая лежит сейчас у него на столике, в адмиральской каюте.

Он, ясное дело, мог бы возразить кэптену, что преимущество норвежского полярника Амундсена заключалось не только в использовании иглу, позволявшему его группе достаточно комфортно чувствовать себя во время привалов и ночевки. Но это уже переросло бы в полуполитическую полемику, смысла в которой адмирал пока что не видел.

2

Июнь 1945 года. Атлантический океан в районе южного побережья Аргентины.

Борт торпедного крейсера «Томагавк»

Пятые сутки подряд отряд кораблей commodора Брэда рейдировал в прибрежных водах Аргентины, от Магелланова пролива до мыса Десенганьо.

Все это время густые, леденящие корпуса судов и души людские туманы губительно поглощали юго-западную часть Атлантики, от мыса Трес-Пунтас до омывающего восточную оконечность Огненной Земли пролива Ле-Мер, и от скалистых берегов провинции Санта-Крус до россыпи Фолклендских островов.

Скрытые от мира этой саванной пеленой мощные боевые корабли лишь изредка открывались глазам возвращавшихся с промысла аргентинских рыбаков, да и то, представляли перед ними в виде причудливых, полуразрушенных айсбергов.

В ту ночь флагманский крейсер «Томагавк» и эсминец «Ягуар», усиленные двумя субмаринами, патрулировали в северной части залива Байя-Гранде, удерживая под своим контролем широкое устье Рио-Чако; в то время как линкоры «Сан-Антонио» и «Галифакс», в сопровождении двух других субмарин, базировались в южной части залива, надежно контролируя подходы к порту Рио-Гальегос.

По данным разведки, именно в этой отдаленной части Атлантики, на границе между Аргентиной и Чили, несколько раз появлялись германские субмарины, из числа тех, чьи команды отказались подчиняться приказу о капитуляции и продолжали действовать самостоятельно, постепенно втягиваясь в стихию пиратства. Кто-то там, в штабе, решил, что одна из субмарин все еще бродит где-то в районе островов Южная Георгия и Анненкова, и со дня на день может появиться у южного побережья Аргентины.

Верилось commodору в появление этой субмарины с трудом, но приказ был, и его следовало выполнять. Тем более что в штабе ВМС в эти дни решался вопрос о назначении его командующим флотилией с присвоением чина контр-адмирала. А это обязывало...

Прежде чем лечь спать, commodор вновь выслушал доклад своего старшего помощника кэптана Кресса, заступившего на ночную вахту на командном пункте, и уже в который раз принялся изучать карту юга Латинской Америки и Фолклендских островов.

Ну, конечно же, ворчал он, два – Дрейка и Магелланов – пролива, да на стыке двух океанов; а еще – сотни островов вдоль тихоокеанского побережья Огненной Земли, великое множество заливов и необитаемых бухт, в каждой из которых можно переждать самый лютый шторм!...

Шансов на то, что германские субмарины подойдут к заливу Байя-Гранде, были ничтожными, но commodор обязан был выполнять приказ, полагаясь лишь на сомнительные сведения морских разведчиков. И единственное, что он мог в этой ситуации, – так это мысленно обвинять германских подводников в неравенстве условий игры. Вся его флотилия была на виду у местного населения и местных рыбаков, к тому же привязана она была к определенной части океана. А вот где на самом деле находятся сейчас субмарины противника, сколько их и какие действия они предпринимают – этого не знал никто: ни в его отряде, ни в штабах эскадры и Военно-морского флота.

Безнадежно отодвинув в сторону карту, commodор успокоил свои нервы несколькими глотками аргентинского коньяка и, блаженственно закрыв глаза, откинулся на спинку кресла. Всякий уважающий себя моряк бредил бы в такие минуты пляжами Калифорнии или Флориды, пейзажами родительских ранчо или ночными клубами портовых городов. А commodору навязчиво чудились освещенные лунным сиянием айсберги, антарктические острова и прибрежные хребты Антарктиды. И тут уж ничего не поделаешь: каждому свое.

Война завершена, и теперь доктор Брэд, убежденный полярник, чувствовал, что, оставаясь на военном флоте, он лишь зря теряет время, как раз то время, которое мог бы посвятить экспедициям на Аляску, на север Канады и Гренландии, и, конечно же, в Антарктиду. А ведь вот она, Антарктида, почти рядом, сразу же за Южно-Шетландскими островами. Но закончится все тем, что во главе экспедиций окажутся другие исследователи, и это их именами станут называть новооткрытые острова, заливы и шельфовые ледники; это они войдут в историю полярных исследований второй половины XX столетия, их книгами будут зачитываться новые поколения моряков, полярников и просто любителей арктической романтики. Грустно все это, грустно...

– Господин коммодор, сэр! – почти ворвался в каюту старший радист крейсера. – То, чего вы так ожидали! Радиограмма с борта английского сторожевика, патрулирующего в двадцати милях южнее острова Западный Фолкленд. Его командир сообщает, что три часа назад в нескольких милях от него прошли две субмарины, которые держат курс на побережье Аргентины. На связь радисты субмарин не выходят. Сторожевик вызвал подкрепление и преследует эти суда.

Адмирал поднялся с кресла, вырвал радиограмму из руки уоррент-офицера и, обнаружив там координаты, в которых были засечены субмарины, вновь метнулся к карте.

Сомнений не оставалось: субмарины нацеливались на побережье Байя-Гранде. И поскольку ни английских, ни американских субмарин в этом районе быть не должно, эти могли оказаться только германскими. Ну, еще русскими. Но для принятия такой версии нужно было слишком уж расфантазироваться.

– Скорее всего, они подойдут вот сюда, – постучал коммодор указательным пальцем в ту точку карты, на которой, на южном берегу залива Рио-Чако, значился городок Пуэрто-Санта-Крус. – Как считаете, уоррент-офицер?

– Откуда бы они ни шли сюда, сэр: то ли со стороны Антарктиды, то ли от берегов Южной Африки, ресурсы их на исходе, команды утомлены, и командиры, скорее всего, нацелены будут на сдачу в плен. Все равно ведь германского рейха больше не существует.

– Правильно мыслите, уоррент-офицер. Вряд ли эти морские бродяги, якорь им в глотку, захотят погибать здесь, у чужих берегов, да к тому же после окончания войны.

– Вот только сдаваться в плен они все же предпочтут аргентинским властям, а не нам, американцам, – заметил тем временем старший радист. – И это стремление может заставить их принять бой.

– Что тоже верно, – согласился коммодор после нескольких секунд колебаний. – Аргентинцы для них предпочтительнее, поскольку с аргентинцами они не воевали. Как, впрочем, и с чилийцами. И потом, в глубинах Санта-Круса и Патагонии¹⁰ созданы не только секретные базы нацистов, но и не менее секретные поселения, благодаря которым германцы постепенно легализуются.

Несколько минут спустя коммодор уже восседал в своем кресле на командном пункте «Томагавка», и по его команде радисты поочередно вызывали на связь командиров всех надводных и подводных судов отряда. Объявив о начале операции «Аргентинская западня», он отвел северную часть своего отряда к пятидесятому градусу широты, приказав в то же время южному отряду, во главе с линкором «Сан-Антонио», подтянуться к устью реки Койг.

– Сети расставлены, господа, – произнес он после того, как командир английского сторожевика «Принц Георг» в очередной раз сообщил, что продолжает преследовать неизвестные субмарины. И что, как утверждают акустики, они перешли в надводное плавание, поскольку у них, судя по всему, на исходе горючее. – Ожидаются две большие «рыбины».

¹⁰ Исторические области и провинции на юге Аргентины.

Приближаться к субмаринам командир этого сторожевичка благоразумно не решался; вызванный им на помощь эсминец тащился где-то позади, а базирующуюся в Порт-Стенли эскадрилью морской авиации из-за сильного тумана поднимать было бессмысленно. Однако само присутствие в той части океана бесстрашного «Принца Георга» было неоценимым.

После третьей его радиограммы стало совершенно очевидным, что команды субмарин предпочли бы высадиться на пустынный берег южнее Пуэрто-Санта-Крус. Определив это, коммодор Брэд отбросил лежавшую у него на коленях карту прямо на пол и, подхватившись из кресла, нервно потер руки; постепенно в нем просыпался азарт охотника.

О сне и отдыхе окончательно было забыто. Под утро коммодор приказал всем своим субмаринам параллельными курсами выйти в океан и, охватив германцев полукругом, вести к берегу. При этом всем командам была поставлена задача: хотя бы одну субмарину нужно, во что бы то ни стало, взять «живьем».

«Они побывали в Антарктиде, – убеждал себя Брэд. – Они, конечно же, побывали в Антарктиде, на «Базе-211»! – словно заклинание, повторял он, нервно прохаживаясь по командному пункту судна.

Правда, при этом он не способен был ответить на элементарный вопрос: «Если эти субмарины побывали на подводной базе германцев в Антарктиде, то почему их не оставили там? Они что, оказались бы лишними?»

И в самом деле, почему? В крайнем случае, субмарины можно было затопить, разобрать на запчасти или оставить в виде казарм для подводников, а команды – несколько десятков опытейших моряков – зарезервировать на базе.

Тем временем пришла еще одна утешительная вест: к «Принцу Георгу» присоединился английский эскадренный миноносец, а его, коммодора, собственный отряд неожиданно был усилен аргентинской субмариной и двумя сторожевичками. Появление здесь аргентинцев было явно некстати, Брэд справился бы и собственными силами. Но захват должен был проходить в территориальных водах Аргентины, а на аргентинские суда власть американского коммодора не распространялась.

Как только «стая» его субмарин под командованием кэптана Винсона рассредоточилась за кормой арьергардной субмарины германцев, преследование стало явным. Германские подводники еще не знали о существовании надводных судов отряда, которые затаились в густом тумане, с заглушенными двигателями, но и появления пяти субмарин, в сопровождении двух английских судов, было вполне достаточно, чтобы германские офицеры поняли: от неравного боя, а значит, и гибели, спасти их может только сдача в плен.

Особенно очевидной стала их участь после того, как командир аргентинской субмарины сумел установить связь с авангардной субмариной и потребовать, чтобы обе подлодки всплыли и в надводном положении следовали в Пуэрто-Санта-Крус.

Всплывать субмарины отказались, очевидно, их командиры все еще продолжали испытывать судьбу, но теперь уже у Брэда не оставалось сомнений, что они действительно германские, но... класса «U». То есть вряд ли они принадлежали к отряду «Фюрер-конвоя», для которого создавались специальные, большие по размерам и автономности плавания, субмарины. Эти же были обычными военно-флотскими «семерками», с запасом автономности всего семь недель, а посему, где бы они до этого ни бродили, ресурсы их и в самом деле предельно истощены.

Уже при входе в залив Байя-Гранде арьергардная субмарина все же попыталась прорваться сквозь заслон и уйти в сторону Огненной Земли, но после предупредительного выстрела из торпедного аппарата и атаки глубинными бомбами вынуждена была вернуться к тому курсу, которым двигалось авангардное судно.

К тому моменту, когда обе подлодки, словно затравленные охотничьей стаей волчицы, были загнаны в узкую бухту, в которой андская река Рио-Чико встречалась с океаном, туман все еще окончательно не развеялся, и причалившие к военному пирсу германские субмарины с

крестами на бортах по-прежнему казались Брэду призрачными видениями прошлого, эдакими подводными «летучими голландцами»¹¹.

– Вам известно, что Германия капитулировала, и что отказ сдаться в плен поставил вас вне закона об обращении с военнопленными? – по-германски спросил коммодор. – И теперь вы уже не кто иной, как обычный пират и военный преступник.

Сидевшему перед ним обер-лейтенанту цур зее¹² Отто Фехтеру было не более тридцати, но серое, землистое лицо старило его так, словно он только что был извлечен не из боевой субмарины, а из сырого тюремного подземелья.

– Я выполнял приказ, полученный задолго до объявленной германским командованием капитуляции. В момент подписания акта о капитуляции я находился за тысячи миль от берегов Германии и не мог знать о ней. Но даже если бы и знал, все равно сначала выполнил бы приказ, а уж затем сдался аргентинским властям. – После каждого слова Фехтер поигрывал желваками, причем делал это с таким напряжением, что, казалось, землистая кожа на изможденном, с запавшими щеками, лице его вот-вот разойдется на две части. – Именно аргентинским властям, а не вам, американцам, – уточнил он, не скрывая своего презрения к томящемуся перед ним янки.

Однако Роберт Брэд воспринял его выпад совершенно спокойно. Этому флотскому обер-лейтенанту и в голову не могло прийти, что перед ним сидит не кадровый военный моряк, а известный исследователь Арктики и Антарктиды, и что из всех походов субмарины «U-540» его интересовал только один факт: побывала ли она во льдах Антарктики. Все остальные подробности он готов был попросту проигнорировать.

– Если вы сообщите нам, в чем секрет вашего появления в антарктической части Атлантики, мы не будем настаивать, чтобы аргентинские власти выдали вас американской разведке, – при этом Брэд многозначительно взглянул на сидевшего рядом с ним полковника разведки Ричмонда, которого ему на крейсер посадили уже в море, с примчавшегося катера береговой охраны.

– ...На допросах в которой – это я гарантирую, вы расскажете нам все, вплоть до впечатлений от пребывания в утробе матери, – вежливо объяснил ему полковник, вальяжно раскинувшись в кресле и с наслаждением затягиваясь ароматным сигарным дымом. Но затем, набывчив могучую шею, вдруг подался к обер-лейтенанту с такой решительностью, словно прямо сейчас решил поинтересоваться его «утробными впечатлениями» прямо сейчас.

На месте субмаринника Брэд наверняка отшатнулся бы точно так же, однако желание и дальше запугивать этого парня у него как-то сразу исчезло.

– Война завершена, – вновь тактично перехватил он инициативу, – и ваш рассказ никто не посмеет квалифицировать как измену, как раскрытие военной тайны. Тем более что уже давно не существует ни флота, в котором вы служили, ни Третьего рейха, ни самого фюрера, на верность которому вы присягали.

Командир субмарины отпил немного вина, которым, уступая свой кабинет, предусмотрительно угостил их всех начальник порта, потомок испанских конкистадоров, и великодушно пожал плечами.

– Вся моя одиссея, господин коммодор, укладывается в несколько фраз, поскольку офицер СД, отдавая мне приказ, позаботился, чтобы я знал ровно столько, сколько мне заранее

¹¹ В основу этой истории положен реальный факт. В начале лета 1945 года отряд американских кораблей (по одной из версий) сумел перехватить две германские субмарины из тех, которые в середине апреля, уже перед капитуляцией рейха, вышли из Киля с таинственным грузом и людьми в масках на борту. Выгрузив людей и груз в Антарктиде, эти субмарины отправились к берегам Аргентины, где попали в засаду и были загнаны американскими кораблями в устье реки. Номера субмарин и имена их командиров в романе изменены.

¹² Обер-лейтенант цур зее – старший лейтенант германского Военно-морского флота (кригсмарине).

позволено было сообщить любой разведке мира, которой вздумается выбивать из меня последние тайны Третьего рейха.

– Хотите сказать, что вам позволено было сообщить о вашем рейде к берегам Антарктиды? – сразу же решил спровоцировать его коммодор на самое важное откровение.

И был несказанно удивлен, когда обер-лейтенант, наивно глядя ему в глаза, поинтересовался:

– А что, это может составлять какую-то очень важную тайну рейха?

Коммодор и полковник разведки удивленно переглянулись. Да и лейтенант-разведчик, прибывший вместе с Ричмондом и теперь старательно корпевший над протоколом допроса, тоже очумело взглянул на германского субмаринника.

– Таким образом, вы хотите сказать, что вам не запретили упоминать о конечной цели вашего рейда – Антарктиде? – осторожно, словно бы опасаясь вспугнуть обер-лейтенанта цур зее, уточнил доктор Брэд.

– Какой в этом смысл? Кто-то из членов двух команд все равно проболтался бы, – пожал плечами Отто. – Неужели это неясно?

– Нетрудно предположить, – развел руками Брэд.

– В апреле, когда моя субмарина и субмарина обер-лейтенанта Хайнца Ридера стояли в военной гавани Киля, нам приказано было снять почти все вооружение и боеприпасы и погрузить какие-то опечатанные ящики. Кроме того, на борт каждой субмарины взойшло по пять пассажиров, хотя мы пытались протестовать против этого, потому что субмарины на лишние членов экипажа не рассчитаны. Но появился полковник СС, и, представившись сотрудником СД...

– Это уже не столь важно, – нетерпеливо прервал его коммодор, – все равно ведь имени его вы не запомнили.

– По-моему, он даже не называл его.

– Словом, вам было приказано доставить этих людей и груз в Антарктиду? – заметно волнуясь, спросил Брэд.

«Если бы этот парень знал, какой вес приобретает сейчас каждое его слово! – подумалось ему. – Он бы наверняка не торопился с ответом и всячески набивал себе цену».

– Там все еще остается какая-то наша полярная исследовательская база, и нам следовало доставить туда как можно больше груза. Не знаю, возможно, в этих ящиках и завалялась пара охотничьих ружей, однако сразу говорю: на доставку партии оружия, а, наверное, вас интересует именно это, не похоже. Да и кому оно там нужно? Следующим арктическим летом этих несчастных наверняка снимут с ледников.

– И как же происходила высадка?

– Очень просто. Мы прибыли в заданный район, все ящики наши команды поперевозили на санках в какую-то огромную ледяную пещеру, о местонахождении которой знал старший из полярников; туда же перешли и все наши пассажиры.

Коммодор лихорадочно извлек из бокового кармана сложенную вчетверо карту Антарктиды и расстелил перед обер-лейтенантом.

– Где именно это происходило?

– Вот здесь, в районе оазиса Ширмахера, – уверенно указал обер-лейтенант, немного поблуждав по карте. – Доставлять грузы было нелегко: мы двигались по какому-то горному ущелью. Пещера находилась километрах в пяти от побережья. На несколько суток нам пришлось прервать доставку из-за отвратительной погоды, к тому же у нас не было достаточно теплой одежды, которой бы хватило на всю команду.

– Итак, вместе с последней партией груза на берег сошли все десять пассажиров. Что дальше?

– Ничего. Нам приказано было отойти к Южно-Сандвичевым островам, отдохнуть, подремонтиться и не спеша следовать к берегам Аргентины. Нам этом рейсе наша служба в кригсмарине завершалась.

– Понятно, – задумчиво произнес Брэд, явно теряя интерес к командиру субмарины, но тут неожиданно всполошился полковник Ричмонд:

– Стоп-стоп, парень, что-то ты темнишь! – почти прорычал он на своем несурзном, с отвратительнейшим произношением, германском. – Давай-ка все по порядку. Итак, мы выяснили, что у членов вашей команды теплой одежды не было.

– Точнее, ее не хватало на всех, кто мог быть задействован в перевозке груза.

– А как были одеты ваши пассажиры? У них были длинные шубы, унты, меховые шапки?

– Да нет, обычные армейские полушубки, такие же обычные утепленные армейские сапоги и обычные шапки.

– Но ведь никакой базы поблизости не было? Вы видели хотя бы одного человека, который бы встречал ваших гостей и ваш груз?

– Нет! – яростно повертел головой обер-лейтенант и, словно бы только теперь осознав всю нелепость подобной высадки, удивленно уставился на полковника разведки.

– В таком случае, проясним еще одну деталь: вы, лично вы, входили в пещеру, которая стала пристанищем для десятерых ваших пассажиров?

– Входил. Обычная пещера. В склоне горы. Шагов десять в глубину и пять-шесть шагов в ширину.

– А куда вел тот ход, в который руководитель группы полярников не рекомендовал вам входить?

– Никуда. Точнее, там не было никакого хода. У пещеры был только один вход, а три стены оставались глухими. Я специально поинтересовался, из любопытства.

– Вот видите, – подлил Ричмонд вина в бокал обер-лейтенанта. – Теперь вам уже и самому интересно понять, что же там, в Антарктиде, в действительности происходило. Стоит ли удивляться, что то же самое интересует и нас? Но пока что получается так, что вы высадили десяток людей на совершенно дикий, пустынный берег, и оставили их в заледенелой пещере вместе с кучей каких-то ящиков. Но, согласитесь, обер-лейтенант, что происходило это не на берегу Балтийского моря, а в нескольких милях от побережья Антарктиды. А вы даже не позаботились о палатках для этих несчастных.

– Да не было у нас на субмарине никаких палаток! Мы ведь подводники, а не полярники. У пассажиров, кстати, тоже ничерта не было. Никакого особого снаряжения.

– В таком случае еще раз вернемся к вопросу о базе, или полярной станции. Заметили вы хоть какие-то признаки близости человеческого жилья? Может быть, где-то поблизости виден был дымок; просматривался санный след или след человека?

– Никаких следов, господин полковник. И это меня тоже удивило.

– Слишком запоздало пришло к вам это удивление, обер-лейтенант! – раздраженно упрекнул его Ричмонд. – Пока что получается странная и почти уголовная картина: вы высадили группу людей на берег Антарктиды и ушли оттуда, обрекая их на мучительную гибель. Так, может, вами пора заняться местной криминальной полицией? Кто-либо из этих людей умолял забрать их с собой? Кто-либо из них отказывался оставлять борт субмарины, умолял вас или вашего коллегу оставить его на борту, защитить от расправы, которой ему угрожал командир группы?

– Что-то вы не то говорите, господин полковник. Все они вели себя очень спокойно. Люди, обреченные на гибель, так себя не ведут.

– Вот это уже важная деталь! – самодовольно заключил полковник, обращаясь не столько к германцу, сколько к коммодору Брэду. – Одна-единственная, но важная. Видите ли, в нашем деле всегда очень важны детали, всякие мелочи, подробности...

– Я не следователь, а...

– Не напоминайте мне в очередной раз, кто вы! Я пытаюсь восхититься вами, а вы меня постоянно разочаровываете. Предупреждаю, что это чревато всякими неприятностями. Лучше уж старайтесь очаровывать. Вам известен был хоть кто-либо из этого десятка таинственных пассажиров?

– Никто. Когда они садились в субмарину, лица их были скрыты под марлевыми медицинскими масками, ну, как у хирургов. Из отсека они выходили крайне редко, а если и выходили, то обязательно в маске и общались только со мной.

– Командир этой команды находился на вашем судне?

– На моем. Наверное, потому что я был назначен командиром отряда субмарин. Но и мне он тоже не представился. К тому же мне было приказано не проявлять к пассажирам никакого интереса.

– Тогда еще один вопрос, последний с моей стороны, – вмешался в ход их беседы коммодор. – Эти пассажиры были в армейской форме?

– В черной форме войск СС, но без знаков различия. На полушубках тоже никаких знаков различия.

– Но вы кадровый военный и способны определить, все ли они являлись офицерами или же среди них было несколько гражданских лиц, скажем, людей, похожих на настоящих врачей, или больше смахивающих на школьных учителей, нежели на офицеров?

– И ведь как-то же они обращались друг к другу во время плавания и перехода к пещере, – подсказывал ему ход размышлений полковник.

– Мне понятен ваш вопрос, – задумчиво кивал обер-лейтенант. – Могу утверждать, что двое из этой группы – командир всей команды и старший той части ее, что находилась на борту субмарины «U-437» Хайнца Ридера, несомненно, были военными: выправка, походка, словом, прусская офицерская школа. На остальных военную форму надела война, но они так и не привыкли к ней.

– А ты мне все больше нравишься, парень, – чуть ли не похлопал его Ричмонд по плечу. – Если не будешь противиться судьбе, я могу сделать из тебя первоклассного разведчика или диверсанта. Как этот ваш, который со шрамами на роже...

– Это вы о Скорцени? – внутренне оскорбился обер-лейтенант.

– Да нет, я уважаю этого парня, – понял свою оплошность полковник. – Говорят даже, что он уже дал согласие работать на нашу разведку против русских. Кстати, нам известно, что это под его руководством создавалась в Антарктиде мощная военная база рейха, которая проходит под кодовым названием «База-211», и на которую вы, обер-лейтенант, только что доставили людей и грузы.

Командир субмарины непонимающе уставился на полковника.

– Станете утверждать, что никогда не слышали об антарктической «Базе-211»?

– Мне сказали, что в Антарктиде работает какая-то наша станция. Наверное, секретная. Может, ее называют так, как называете вы, – «База-211», но мне об этом абсолютно ничего не известно. Почти все время перед рейдом в Антарктиду я проводил в море. Переходы, бои; я преследовал, меня преследовали и атаковали. К тому же командиром субмарины меня назначили только в ноябре сорок четвертого, до этого времени я был обычным флотским лейтенантом.

Беседа продолжалась еще несколько минут, однако коммодор Брэд уже потерял к ней всякий интерес. Процесс вербовки германского офицера в американскую разведку его не интересовал. И в допросе командира арьергардной субмарины Хайнца Ридера он тоже почти не участвовал. Довольствовался лишь констатацией того, что в общих чертах его показания полностью совпадали с показаниями Отто Фехтера с той только разницей, что Ридер не мог точно указать место на карте, где они высаживали людей, и не знал, что эта местность называется

«Оазисом Ширмахера». Но объяснял: у него не было карты Антарктиды, как у Фехтера, и действовал он по приказам своего командира, не вникая в подробности всей этой странной операции.

* * *

– Насколько я понимаю, вы, сэр, в отличие от меня, результатами допросов довольны, – мрачновато произнес полковник, когда они возвращались на борт торпедного крейсера «Томагавк».

– Можно сказать так: они дали мне значительно больше, нежели я мог ожидать. Ради этого стоило сутки напролет проводить в губительных фолклендских туманах. Для меня важно, что есть неоспоримое доказательство высадки людей и грузов на берег Антарктиды, а это, в свою очередь, подтверждает существование там германской военной базы.

– Это оспаривать трудно, сэр.

– А зачем его оспаривать. Кому это нужно? Признайтесь-ка, вам хотелось когда-нибудь побывать в Антарктиде, полковник, хотелось, чтобы ваши потомки называли вас среди исследователей этого континента, наряду с Амундсеном, Скоттом?..

– ...И адмиралом Брэдом?

– А что, – горделиво повел плечами коммодор, – возможно, и наряду с адмиралом Брэдом. Если только меня повысят в чине.

– Не стану лгать, сэр. Не хотелось. Просто не приходило ничего подобного в голову.

– В таком случае вам не о чем будет сожалеть, если вы так никогда и не попадете в Антарктику, – философски заключил коммодор. – Сожалеть буду я – что на борту флагманского судна не окажется столь многоопытного разведчика и столь трезвого аналитика, как полковник Ричмонд.

– Ну, если вы, сэр, всерьез решитесь повести эскадру к берегам Антарктиды, я не прочь буду возглавить ее службу безопасности и представлять на ней ее величество американскую разведку.

– Вот видите, – рассмеялся коммодор, ступая на трап крейсера «Томагавк», – мне удалось завербовать вас значительно быстрее, нежели вам – этого измученного океаном германского обер-лейтенанта.

– Может, только потому, что я – не германец?

– Не думаю. Все дело в выборе цели. Впрочем, для начала, вы должны стать моим союзником, а значит, всячески подтверждать мои доводы в пользу создания такой, Полярной, эскадры, а также всячески убеждать в важности антарктического рейда свое непосредственное руководство.

– Считайте, что группа антарктических заговорщиков уже создана, сэр, – заверил его полковник Ричмонд.

3

*Ноябрь 1946 года. Атлантический океан
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида»*

Прошло уже более часа, как эскадра повернула строго на юг и, вторгаясь в море Скоша, устремилась к предполярной 60 й широте, к Южно-Шетландскому архипелагу.

С каждой милей ветер усиливался, и теперь уже не оставалось сомнений, что это прорывается матросами всех парусников мира воспетый и проклятый «Дрейк-Убийца» – дьявольское порождение Огненной Земли и леденящего душу пролива Дрейка.

Слева по борту из серого поднебесья угрожающе зарождался огромный айсберг, вершина которого напоминала изуродованную глубинными бомбами рубку субмарины, а передняя часть – развороченную торпедой корабельную корму. Это было внушительное зрелище, заставлявшее задуматься над брэнностью человеческого бытия и преклониться пред холодной вечностью космоса.

– А ведь и в самом деле выглядит такой «ледоносец» более чем впечатляюще, – заметил кэптен, перехватив застывший взгляд адмирала.

– Выглядит – да, впечатляюще, – задумчиво признал Брэд, вкладывая, однако, в свои слова какой-то особый смысл.

– Это правда, сэр, что во время войны в инженерных головах выбродила идея сотворить из айсбергов боевые суда?

– Прежде всего, их собирались использовать в роли авианосцев, которые могли бы действовать в северных широтах.

– Этих вот – в роли авианосцев?!

– Естественно, поверхность такого ледового авианосца еще надлежало превращать в посадочную палубу; в корму планировалось вмораживать специальный двигатель, в ледяных башнях устанавливать зенитно-артиллерийские батареи, а в глубинах – оборудовать командирскую рубку и пункт управления. Однако затраты могли бы оправдывать себя, тем более что они были бы мизерными по сравнению с теми, которые приходились на создание авианосцев, подобных вашей «Флориде».

– Зато нам выпало служить на судне, достойном увековечения! – полуоскорбленно напомнил адмиралу Вордан. – Не то, что эта, – ткнул он сигарой в сторону айсберга, – бездушная ледяная баржа.

– После того, – невозмутимо продолжил Роберт Брэд, – как весной 1942 года Черчиллю доложили, что массированная торпедно-авиационная и оружейная атака на один из таких айсбергов в Гренландском море, севернее острова Ян-Майена, не потопила его, а всего лишь деформирована «борта» и повредила «палубу», премьер понял: авиация и флот королевства могут получить мощную, непотопляемую эскадру. Известно, что эта идея стала предметом обсуждения на встрече Черчилля с командующим «Объединенных операций» вооруженных сил лордом Луи Маунтбаттенем, ведающим, кроме всего прочего, еще и вопросами вооружения. У нас, в США, тоже была создана группа разработчиков ледовых авианосцев, в которую меня пригласили в качестве эксперта по обустройству быта команд подобных судов. В связи с этим, я присутствовал при обсуждении данного вопроса на конференции союзников, проходившей в Квебеке.

– Что-то я не припоминаю, чтобы во флоте союзников появился хотя бы один такой авианосец.

– Появился. В Канаде. Испытательный авианосец «Аввакум». Вот только создан был этот айсберг-авианосец из... искусственного льда. Точнее, из специальных ледяных блоков, в кото-

рые встраивались холодильные установки, предотвращающие таяние авианосца в более теплых морях, нежели Гренландское или море Баффина.

– Вот как?! – удивленно повел подбородком кэптен. – Искусственный айсберг? Что-то новое.

– В штабах союзников к этому новшеству тоже поначалу отнеслись с недоверием. Тогда некий английский инженер-полярник Джеффри Пайк предложил создавать корабельные блоки из смеси замороженной воды и целлюлозы. Новый материал, несомненно, был устойчивее и значительно прочнее обычного льда. Но когда в сорок третьем канадцы построили на своем озере Патриция первый и единственный ледяной, причем довольно небольшой, всего чуть более восемнадцати метров в длину, корабль «Аввакум» – с деревянным каркасом, наполненным этим «пайкритом», то поняли: инженер предложил им слишком дорогое и не очень пригодное для войны, а тем более – для жизни команды, «удовольствие».

– В таком случае, стоило бы вернуться к идее природных кораблей-айсбергов. Взгляните на этого «красавца», какой линкор, какой «Титаник» способен устоять против него? Интересно, знают ли о его появлении в этом районе в офисе Международного ледового патруля?

– И вернулись бы, если бы в сорок четвертом потребность в подобных кораблях все еще существовала, или если бы германцы продержались еще хотя бы год.

Они умолкли и с минуту суеверно наблюдали за огромной ледяной глыбой, которая, словно бы подчиняясь чьей-то воле, медленно и почти неотвратно надвигалась на Полярную эскадру. В эти мгновения оба офицера многое отдали бы, чтобы знать, как далеко простирается во все стороны та, подводная, часть айсберга.

– Думаю, предаваться его обследованию нет смысла, сэр, – вулканически изверг очередную порцию сигарного дыма Николас Вордан. – Оставим это гляциологам.

Роберт Брэд не ответил, а кэптену недосуг было всматриваться в его наполненные романтической тоской полярника белесые глаза. Но и так понятно было, что само появление этого осколка полярной ледовой империи вызвало в его душе какие-то давние, не поддающиеся критической переоценке воспоминания.

– Приказ командирам судов, – обратился адмирал к своему адъютанту, лейтенант-командеру¹³ Шербруку: – «Выстроить суда в походную колонну согласно полученному вами предписания».

– Уже передаю, сэр, – тотчас же взялся тот за трубку корабельной связи, чтобы передать приказ дежурному радисту.

Приземистый и медлительно неповоротливый Шербрук казался бы медведеподобным, если бы не это худощавое, с впалыми щеками полуиндейское лицо, и эта нервная жестикуляция, которой он сопровождал почти каждое свое слово. Для роли адъютанта-порученца он, конечно же, не годился, но адмирал даже не скрывал, что держит его при себе по армейским традициям землячества.

В юности Шербрук подрабатывал тем, что вместе с отцом в роли проводников-носильщиков водил туристов в горный массив Бэрд на Аляске, в районе национального парка «Кобук-Валли». Тех самых гор, которые подарили одному из его, Роберта Бэрда, предков, заполярных рыбаков и охотников, фамилию. Да и родом Шербрук был из индейского селения Кайан, соседнего с его родным, приютившимся на берегу реки Кобук городком Нурвик. Реки, «впадающей» прямо в Северный полярный круг.

...А потом адмирал долго, придирчиво наблюдал, как шедшие до этого в кильватерной колонне корабли выстраиваются в разработанную им «римскую походную колонну», которая, кроме всего прочего, позволяла поддерживать между судами визуальный контакт, а главное, дисциплинировала командиров, призывая их вести бой, прикрывая и поддерживая друг друга.

¹³ Чин лейтенант-командера приравнивается к званию капитана третьего ранга (майора) в российском флоте.

Первым, слегка отрываясь от колонны, должен был идти торпедный, с усиленным зенитным вооружением, крейсер «Томагавк». За ним, на одинаковом расстоянии от величаво шествовавшего в центре колонны авианосца «Флорида», следовали линкор «Галифакс» и эсминец «Портсмут». Параллельно с авианосцем, прикрывая его борта, шли теперь линкоры «Сан-Антонио» и «Онтарио», а в кильватере тащился громадный, с мощными бронированными бортами и столь же мощными орудийными башнями военный транспорт «Монтерей» – с резервными запасами горючего и продовольствия в своих необъятных трюмах. Замыкали же эту «римскую колонну» линкор «Колорадо» и эсминец «Ягуар».

И, наконец, усиливала обороноспособность плавучей крепости новейшая, прекрасно оснащенная, в том числе и модернизированной радарной установкой, субмарина «Ягуар», в надводном положении следовавшая теперь между кораблями авангарда – «Галифаксом» и «Портсмутом».

– Когда мы примем под свой флаг отряд командора Бертолда, получится «Непобедимая Армада», – мечтательно молвил адъютант, наблюдая за построением судов взором уставшего от боев и походов адмирала Нельсона.

– А что, – поддержал его Вордан, – два надежно бронированных и хорошо вооруженных ледокола, четыре самолета и субмарина. Таким отрядом вполне можно было бы ограничиться.

– Это ваше официальное мнение? – сухо поинтересовался контр-адмирал.

– Простите, сэр?

– Вы решились бы совершать этот рейд силами командора Бертолда?

– В принципе, можно было бы ограничиться только моим авианосцем, одним ледоколом и – так, на всякий случай, – субмариной. Если уж мой авианосец в начале сорок пятого противостоял двум японским фрегатам, поддерживаемым полусотней пилотов-камикадзе...

Только теперь Брэд понял, почему командующий Военно-морским флотом США с таким ехидством интересовался, против какого такого врага он, контр-адмирал Брэд, собирается выступать в мирное время, спустя два года после разгрома Германии. И, даже уступая натиску шефа военной разведки, заручившемуся поддержкой вице-президента и госсекретаря, все же так прямо и заявил ему:

– Вы пытаетесь подчинить себе половину флота, ризер-адмирал¹⁴. А ведь я хоть сейчас могу представить президенту некоего офицера флота, который согласится выполнить ту же задачу, имея в своем распоряжении всего лишь авианосец, ледокол и субмарину.

– Есть еще у нас на флоте храбрецы, сэр.

– Ну, подброшу роту морских пехотинцев, – проигнорировал его циничный сарказм командующий флотом, – естественно, прошедших специальную, полярную подготовку.

– И все же на подобный рейд способен решиться только офицер, совершенно не представляющий себе, с какой воинской силой и какой техникой он может столкнуться на подступах к Новой Швабии.

– А вы, Брэд, лично вы, имеете хоть какое-то представление о том, с кем и чем вам придется столкнуться в этих ваших чертовых льдах Антарктиды?

– Нет, сэр.

Ответ был настолько быстрым и убийственно исчерпывающим, что командующий растерялся и на какое-то время даже опешил.

– То есть вы, Брэд, хотите сказать, что?..

– Именно это я и хотел сказать, сэр.

¹⁴ Первый адмиральский чин ризер-эдмирал (rear-admiral) соответствует званию контр-адмирала российского флота. За ним следуют: вице-адмирал (vice-admiral), адмирал (admiral) и адмирал флота (fleet-admiral).

Флит-адмирал – тучнеющий пятидесятипятилетний крепыш – несколько раз задумчиво кивнул, вышел из-за массивного письменного стола и, приблизившись к явно угасающему камину, произнес:

– Ясное дело, человек из разведки предоставил мне кое-какие соображения, – обескураженно объяснил он, словно бы настал его черед оправдываться. – Но все они – из области дешевых газетных писаний. А мой флот должен знать, какой противник ему противостоит; каковы его намерения и какими силами он располагает. Не спорю, ходят какие-то легенды о германских субмаринах. Но, насколько мне известно, две последние субмарины из состава «Фюрер-конвоя» сдались аргентинским властям еще летом сорок пятого.

– Вы правы, сэр. В июле сорок пятого, в районе Мар-дель-Плата, у мыса Моготес, сдалась «девятка» U-530 под командованием обер-лейтенанта Отто Вермута, а в августе – «семерка» U-977 обер-лейтенанта Хайнца Шеффера¹⁵. Но сомневаюсь, сэр, что их следует считать последними. И потом, сотрудникам нашей разведки так и не удалось толком выяснить у Шеффера, чем объяснить наличие на подлодке запасов горючего и продовольствия, если автономность его «семерки» не превышала семи недель. И даже если допустить, что они действительно принадлежали к «Фюрер-конвою», хотя к субмаринам-гигантам они явно не принадлежали, то сдались они только по чьему-то приказу. Чтобы убедить, что они – последние, что никакого «Фюрер-конвоя» больше не существует, а посему вопрос о послевоенном германском флоте следует считать исчерпанным.

– Как я понял, вы ознакомлены с результатами допросов командного состава обоих субмарин, – с легкой досадой признал еще одно свое поражение флит-адмирал. – Вот только я не уверен, что парни из разведки говорят обо всем том, что им удалось выбить из экипажей субмарин, укомплектованных, как оказалось, почти исключительно из эсэсовцев.

Контр-адмирал деликатно промолчал, давая командующему понять, что дальнейшее обсуждение этой истории неуместно. Впрочем, адмирал флота и не настаивал на его комментариях.

– Только одно я могу сказать с полной уверенностью, сэр, – нарушил эту паузу адмирал-полярник, – если противник, затаившийся во льдах Антарктиды, действительно проявит себя, то мы столкнемся с эскадрой мощных германских подводных лодок, прикрываемых с воздуха не менее мощной эскадрилей «летающих дисков». Причем пилоты их с одинаковым успехом способны действовать в воздухе, космосе, под водой и даже под землей, в так называемом Внутреннем Мире. И мы с вами, сэр, представления не имеем о том, как им противостоять.

– Действительно все настолько серьезно, ризер-адмирал?

И лишь после этих слов адмирала флота Брэд понял, что тот окончательно сдался. Но теперь уже не под натиском высоких чиновников, а исходя из собственной растерянности. Как бы там ни было, а уже через неделю Брэд получил в свое распоряжение такое количество кораблей, на которое он даже не посмел бы рассчитывать. И представителя американской разведки, в лице полковника Ричмонда – в придачу.

– Не смею усомниться в этом, сэр. Но было бы неплохо, если бы перед выходом в океан мне удалось встретиться с начальником разведки Управления стратегических служб.

– Генерал-майором Уильямом Доновэном, – согласно кивнул адмирал флота, – который лично знаком с Отто Скорцени¹⁶ и многими другими бывшими сотрудниками СД и абвера. Этот джентльмен, несомненно, может обладать некоторой полезной для нас информацией.

¹⁵ Исторический факт. Эти две субмарины под командованием названных офицеров действительно сдались аргентинским властям. Экипажи их были допрошены сначала аргентинскими, а затем, уже более основательно, американскими спецслужбами.

¹⁶ На должность начальника отдела разведки Управления стратегических служб (УСС) генерал-майор армии США Уильям Джозеф Доновэн был назначен еще в 1942 году. Именно он предпринимал попытки перевербовать Отто Скорцени. И именно

– Не скрою, сэр, мне хотелось знать об Антарктиде то, что пока что не позволительно знать всей остальной Америке.

– Мое дело – договориться о встрече, – угрюмо проворчал адмирал флота, демонстративно отводя взгляд в сторону окна. – А вы уж попытайтесь убедить его в том, что существуют тайны, которые от командующего полярной эскадрой утаивать бессмысленно.

Произнося это, командующий флотом, конечно же, не сомневался, что убедить Доновэна контр-адмирал все равно не сумеет. Но в любом случае, Брэд был признателен ему. Полярный Адмирал прекрасно понимал, что адмирал флота предоставляет ему уникальный шанс. Если этот рейд удастся, он может затмить многие другие рейды и операции флота США за все его существование, вписывая имя контр-адмирала Брэда в историю и антарктических исследований, и Военно-морского флота.

– Знали бы русские о том, сколько кораблей мы ведем в Антарктиду, – все еще не унимался командир авианосца, – наверняка ринулись бы вслед за нами, решив, что американцы пытаются оккупировать весь континент.

– А почему вы считаете, что в Москве об этом не знают?

– Несмотря на то, что эскадру свою мы собирали в гавани Порт-Стенли по частям, со всей возможной секретностью... – признал кэптен.

– Однако сейчас, кэптен, для меня куда важнее, что думают, глядя на нашу эскадру, командиры субмарин германского «Фюрер-конвоя».

– Простите, сэр?

– Обойдемся без уточнений, – проворчал Брэд.

– Но кригсмарине давно не существует, сэр! – изумился Николас Вордан. – И это уже даже не подлежит обсуждению.

– Вот как?! А ведь мы еще даже не приступали к его обсуждению.

– Я понимаю: для того чтобы сколотить такую эскадру, вам нужно было посеять некоторую панику в высших эшелонах флота и Управления стратегических служб во главе с Алленом Даллесом, однако...

Договорить он не успел, поскольку дежурный по командному пункту лейтенант-коммандер Остин прервал его и протянул трубку внутренней связи.

– Обнаружена чья-то субмарина! – с нервной дрожью в голосе проговорил он и включил громкую связь, чтобы доклад мог слышать и контр-адмирал.

– А что вас так удивило? – спокойно поинтересовался Брэд.

– Но она преследует эскадру, сэр.

– Скорее, следует за эскадрой, лейтенант-коммандер, – мягко, но принципиально уточнил Полярный Адмирал. – Мы еще не пытаемся уходить от нее.

– Причем не ясно, с какими намерениями она за нами... следует. А главное, чья она.

– Что-то я не помню, чтобы мы просили у аргентинцев предоставить эскорт, – поддержал его внезапно появившийся на командном пункте полковник разведки Ричмонд.

он спас в 1946 году Скорцени от трибунала по «делу о Мальмеди», то есть о диверсионной акции, организованной Скорцени в декабре 1944 года в Арденнах против английских войск. По приговору этого трибунала, 33 чина СС были казнены, 23 офицера приговорены к пожизненному заключению, а обергруппенфюрер (генерал-полковник) СС Зепп Дитрих получил 25 лет тюрьмы.

4

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика.

Море Скоша.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида»

– Так вы утверждаете, что обнаружена только одна субмарина? – жестко поинтересовался контр-адмирал у докладывавшего ему офицера-акустика.

– Одна, но...

– Что следует за этим вашим «но»?

– Ни у меня, ни у коллег с субмарины «Баунти» и ближе всего находящегося к неизвестной лодке эсминца «Ягуар» нет сомнений, что мы имеем дело с субмариной Третьего рейха.

Брэд и командир авианосца переглянулись.

– Это уже похоже на мистику, – покачал головой кэптен. – Во всяком случае, на явление подводного «летучего голландца» это не спишешь.

– Вам-то чего волноваться, Вордан? Вы ведь твердо уверены, что германского кригсмарине давно не существует.

– Но всегда признавал факты, отрицать которые бессмысленно, – растерянно пробормотал кэптен.

– А факты эти убеждают, что германские субмарины все еще в водах Атлантики! – тоже не очень-то скрывая свою растерянность, признал Брэд. – И, не смотря на все наши ухищрения и конспирации, упорно следят за формированием Полярной эскадры.

Но дело, собственно, не в них, мысленно продолжил Полярный Адмирал полемику уже с самим собой, и даже не в тех, кто скрывается сейчас на «Базе-211». Ринувшись к Антарктиде с такой армадой, мы рискуем вызвать гнев у атлантов-покровителей фон Риттера и фон Готта. И если это случится – вот тогда наступит самое страшное. Так что, может быть, Вордан прав: нам действительно следовало ограничиться двумя – тремя судами обеспечения, которыми вполне могли стать ледоколы Бертолда.

На море моя эскадра еще представляет собой кое-какую боевую силу, но что она способна представлять собой, если речь пойдет об исследовании, не говоря уже о покорении, Внутреннего Мира? Да у меня более четырех с половиной тысяч личного состава. Но в основной массе своей – это члены корабельных команд и авиаторы, смысл службы которых заключается в том, чтобы они находились на своих местах согласно штатным расписаниям.

Впрочем, кто и какие претензии сможет предъявить ему после завершения рейда, если в письменном приказе, который хранится в его сейфе, от него требовалось выполнить только два задания: провести тренировку личного состава в полярных условиях, подразумевая при этом, что данные условия очень похожи на условия Русского Севера. И определить места для создания оперативных военных баз в арктических регионах. Даже не создать сами базы, а всего лишь определить места их закладки.

«Но если ты собираешься ограничиться только этими, официальными требованиями к экспедиции, – молвил себе контр-адмирал, – тогда на кой черт ты сколачивал всю эту «непобедимую» полярную армаду? И потом, как быть с секретными наставлениями начальника разведки генерала Доновэна, под которые тебе, собственно, и выделили все эти суда? Антарктида – не то место, где позволительно лгать себе и людям, которых ведешь за собой. Перед полюсом следует представать, как перед Господом. Он жестоко наказывает каждого, кто об этом забывает».

– Командир субмарины «Баунти» запрашивает разрешения на атаку германской подлодки, сэр, – ворвался в его размышления голос старшего офицера связи.

– Передайте: составить вместе с эсминцем «Ягуаром» арьергардное прикрытие, но не атаковать, и уж тем более не преследовать. На всех судах объявляется тревога. Командиру авиаотряда: два морских штурмовика – на прикрытие арьергарда, еще два – на обследование территории к востоку и юго-востоку от скопления айсбергов. Об обнаружении целей – докладывать, при проявлении враждебности – ответный огонь.

– А ведь лучшего укрытия, чем эти два огромных айсберга, им не придумать, – согласился с контр-адмиралом командир авианосца. – Что-то слишком рано они проявляют себя.

– Пока еще не проявляют, кэптен, пока еще нет. Нам всего лишь вежливо напоминают, что «хороший гость обычно сидит дома».

– А почему они решили, что право на Антарктиду имеют только они? – возмутился Вордан.

– Не нам, американцам, задаваться подобными вопросами, кэптен.

По этническому происхождению своему техасец Николас Вордан был «итальянцем с сербохорватской кровью». Причем итальянской частью крови, вроде бы, даже восходил к роду Медичи, в частности, к той его ветви, которая имела какое-то отношение к правителю Венеции второй половины XV века Лоренцо Великолепному – весьма посредственному литератору, но истинно отпетому авантюристу.

Впрочем, ни одна из «кровей» не мешала этому балканизированному брюнету с черными выющимися волосами, эмигранту всего лишь во втором поколении, представать перед иностранцами в облике стопроцентного американского шовиниста. Более закоренелого, нежели самый заскорузлый в своем англо-саксонстве потомственный техасский янки. Вот она, наследственность рода Медичи!

Вот и сейчас он буквально взорвался своим благородным техасским гневом.

– Почему не нам? Почему мы так скромно, позволю себе заметить, подступаемся к Антарктике, пасуя перед кем угодно из европейцев, вплоть до обнаглевших германцев и продавшихся им в годы войны норвежцев?!

– Потому что неминуемо найдется множество людей, которые зададутся вопросом: «А почему это американцы решили, что право на всю ту огромную территорию, которую они захватили у индейцев, имеют только они? И по какому праву они вообще владеют этими территориями?». И давайте никогда больше не возвращаться к этим вопросам, кэптен, – жестко завершил Полярный Адмирал. Однако, выдержав небольшую паузу, более миролюбиво, причем уже не столько для Вордана, сколько для самого себя, уточнил: – Но здесь, в Антарктике, мы тоже находимся для того, чтобы защищать свое право на землю Америки. Защищать сегодня и в будущем.

– Вот сейчас мы с вами размышляем, позволю себе заметить, как истинные американцы, сэр, – удовлетворенно согласился с ним командир авианосца.

Брэд достал из внутреннего кармана куртки флягу с коньяком и с наслаждением сделал несколько глотков. Он никогда не злоупотреблял спиртным, но всегда оставлял за собой право на пару таких вот, «отрезвляющих» глотков, как эти.

«Перед полюсом следует представать, как перед Господом, – вспомнилась спонтанно рожденная им самим фраза. И тотчас же развил заложенную в ней мысль: – С покаянием в помыслах и мужеством в душе». Брэд не знал, насколько «покаянность помыслов» согласуется с «мужеством души», но в словах этих заключалось нечто такое, что полностью соответствовало образу его теперешних мыслей и душевному настрою.

– На связи – первый лейтенант¹⁷ Робертс, – донесся с пульта связи голос командира разведывательного авиазвена. – В окрестностях скопления айсбергов никаких морских целей не

¹⁷ В Военно-воздушных силах (Air Force) США существуют свои особые звания: уоррент-офицер, старший уоррент-офицер, второй лейтенант, первый лейтенант, капитан, майор, подполковник, полковник, бригадный генерал, генерал-майор, гене-

обнаружено. Воздушных – тоже. Подводных целей приборы не фиксируют. Площадь сплошных льдов достигает десяти квадратных миль.

– Тогда какого дьявола появилась субмарина эскорта? – пожал плечами командир авианосца.

– Куда важнее знать, кто ее командиру приказал сопровождать нас.

– Есть сведения, адмирал, что несколько германских субмарин все еще продолжают заниматься пиратскими атаками, – нарушил свое многозначительное молчание полковник разведки Ричмонд. – При этом они используют и созданные в годы войны секретные базы рейха, и базы мафии. Хотя трудно поверить, что командир этой субмарины мог рассчитывать на добычу, вторгаясь в зону действий столь мощной эскадры.

– Жду дальнейших приказаний, – вновь напомнил о себе первый лейтенант Робертс.

– Проведите дальнюю разведку по курсу эскадры, – приказал Бэрд. – Особое внимание обращайтесь на скопления айсбергов. – Командир эсминца «Ягуар». Ситуация на вашем участке?

Истекло не менее двух минут, прежде чем командер¹⁸ Карл Листон неспешно доложил:

– Субмарина уходит в сторону аргентинского острова Эстадос у восточной оконечности Огненной Земли. На запросы не отвечает. Вместе с субмариной «Баунти» оттесняем ее от эскадры.

– Командиру «Баунти»...

– Слушаю, сэр, – отозвался командер Гриффин.

– При повторном приближении неизвестной субмарины атакуйте ее вместе с эскадренным миноносцем после первого же запроса. А пока займите место в арьергарде эскадры, между линкором «Колорадо» и эсминцем «Ягуаром».

– Атакую сразу же после запроса, – невозмутимо заверил Гриффин Полярного Адмирала.

Брэд знал, что у этого подводника был опыт схваток с германскими субмаринами и в Атлантике, и у берегов Англии. В марте сорок пятого его субмарина была повреждена на выходе из Ла-Манша. Но Гриффин сумел дотянуть до мыса Лизард и выбросить ее на мелководье в британских прибрежных водах. После этого он почти два года оставался без корабля, довольствуясь службой в штабе военно-морской базы, и был признателен Брэду за замолвленное словечко и за новейшую субмарину.

– Но эта субмарина может оказаться на службе аргентинских военно-морских сил, – предупредил полковник разведки. – Существует предположение, что как минимум двумя германскими «девятками» аргентинский президент Хуан Перрон свой флот усилил.

– Возможно, это была взятка фюрера за то, чтобы Аргентина рассталась со своим нейтралитетом, как гимназистка – с девственностью, – предположил командир авианосца.

– Когда в сорок третьем абвер поддерживал устроенный «Группой объединенного офицерства» во главе со своим давним агентом Пероном военный переворот, одним из условий являлось вступление перонистской Аргентины в войну на стороне рейха, – объяснил полковник разведки. – При этом фюрер гарантировал крупные военные поставки в Аргентину, в частности, нескольких десятков бомбардировщиков и истребителей, средних и тяжелых танков, а также порядка десяти субмарин, стрелковое оружие, обмундирование.

– Понятно, ему хотелось породить своего дуче еще и здесь, в Аргентине.

– Вот только решиться на вступление в войну Перрон так и не отважился, понимая, что война для Германии уже складывается неудачно, и что после победы над ней США и ее союзники цинично растерзают экономически отсталую Аргентину.

– То есть люди адмирала Канариса забыли, – задумчиво проговорил контр-адмирал, что лепить очередного дуче следует не с танков и субмарин, а с формирования идеологии. С кото-

рал-лейтенант, генерал, генерал ВВС.

¹⁸ Коммандер – капитан второго ранга (подполковник).

рой начинали буквально все: Сталин, Муссолини, Франко, Гитлер, Антонеску, адмирал Хорти и, наконец, этот венгерский проходимец Салаши.

– Но лучше бы Перон встрял тогда в войну, – продолжил свои рассуждения полковник Ричмонд. – В мирное время этот диктатор значительно опаснее для Америки, нежели в военное, поскольку уже сейчас превратил свою страну в огромное и не поддающееся нашему контролю убежище для высокопоставленных чиновников рейха, высших чинов СС и всех прочих. К тому же нам хорошо известно, что на севере Аргентины, в отдаленных районах, между границами Боливии, Парагвая и Чили, германцы скупили огромные массивы земли. Для этого абвер и СД специально перебрасывали туда людей, деньги, оружие и даже техническое оборудование для некоторых предприятий.

– А также, – вторгся в их беседу дежурный офицер Остин, – по утверждению некоторых журналистов, они умудрились перебросить туда фюрера, Еву Браун и Бормана.

– Всего лишь «по утверждению некоторых журналистов», – степенно парировал полковник разведки.

– А то, что они транспортировали туда нацистские идеи? – воинственно вскинул свой далеко не волевой, «испанский» подбородок лейтенант-коммандер.

– Еще немного, Остин, и вы потребуете, чтобы адмирал Брэд повернул эскадру на Буэнос-Айрес, – иронично проговорил Вордан, в очередной раз поднося к глазам бинокль.

– Прошу прощения, господин адмирал, но в этом было бы больше проку, чем во всей этой странной антарктической экспедиции. – Произнеся это, Остин вдруг поймал на себе удивленно-осуждающие взгляды адмирала, обоих полковников, и даже адъютанта Шербрука. Только это, хотя и бессловесное, но коллективное внушение заставило его смягчить тон. – Хотя не спорю, господа, что с познавательной точки зрения наш рейд, несомненно, принесет какую-то пользу.

На какое-то время на командном пункте воцарилась неловкая пауза, выдержав которую, полковник Ричмонд недовольно побряхтел и продолжил:

– ...А вот что хорошо известно из агентурных данных, – интонационно подчеркнул он это свое «из агентурных данных», – так это то, что постепенно эсэсовцы превращали «боливийское приграничье» в некий германский анклав – со своими охранными отрядами, своей администрацией и своими нравами. Да, и нравами – тоже! – Ричмонд явно обладал задатками школьного учителя, речь его была плавной, четкой и неоспоримо логичной, иное дело, что на Остина, как на нерадивого ученика, эта его убедительность и логичность никакого впечатления не производили. – Теперь мы можем констатировать, что на этот гитлеровский отстойник власть Буэнос-Айреса по существу не распространяется. Германцы так и называют этот регион – «Свободная германская территория». Если учесть, что большая часть этой территории представляет собой труднодоступные горные районы, а такое понятие как «государственная граница» воспринимается там лишь в качестве географической условности, то ясно, что бывшие эсэсовцы хоть сейчас могут создать там некий латиноамериканский рейх.

– ...Очень удачно расположенный в непосредственной близости от антарктической Рейх-Атлантиды и «Базы-211», – добавил Роберт Брэд. – Кстати, что там, в ваших агентурных данных, полковник, говорится об острове Эстадос, к которому направилась германская субмарина?

– Сегодня же, в определенное для связи время, попытаюсь навести справки о нем в латиноамериканском отделе.

– Окажите любезность. Одна из задач, которую преследует наш рейд, в том и состоит, чтобы выяснить военную ситуацию в этой части Атлантики.

– Не думаю, что на этом островке обнаружится база, подобная базе «Латинос», которую германцы оборудовали в заливе Сан-Матias, в районе полуострова Вальдес, с видом на спасительную Патагонию и отроги Кордильер.

– Как знать... Размеры еще ни о чем не говорят.
– Размеры, месторасположение... Слишком уж он незащищен перед угрозой превентивного, локального рейда нашего флота и морских пехотинцев.

– И все же секретную базу соединения «Фюрер-конвоя» оборудовать там германцы могли. Используя ее хотя бы в качестве базы обеспечения.

Едва адмирал произнес эти слова, как дежурный радист вновь вывел на внутрикорабельную связь командира разведывательного авиазвена первого лейтенанта Робертса:

– Докладываю, что субмарина вновь увязалась за эс-кадрой.

– Где она, черт возьми?! – пробубнил Брэд.

– На сей раз, она движется параллельным курсом, в трех милях северо-западнее эсминца «Ягуар».

– Я так понимаю, что идет она в надводном положении?

– Так точно, в надводном, сэр, приготовив к бою два орудия и два зенитных пулемета. С торпедами, уверен, у них тоже особых проблем не возникает, иначе они не вели бы себя так нагло.

– Вы не ошиблись: у этой субмарины действительно два орудия и два зенитных пулемета?

– И две рубки. Это настоящая громадина! Такой субмарины мне еще видеть не приходилось.

– А что с опознавательными знаками?

– Минуточку, сэр. Они явно прослушивают наши переговоры и поднимают флаг. Попытаемся приблизиться. – А спустя еще несколько секунд, Робертс буквально прорычал: – Это возмутительно! На рубке у субмарины германский крест.

– Вас это удивляет?

– Но флаг-то, флаг они подняли аргентинский!

– Оказывается, вас удивляет аргентинский флаг на субмарине Третьего рейха?

– Но, в таком случае, получается, что на вооружении аргентинского флота находятся субмарины адмирала Деница!

– Этого следовало ожидать, – пропыхтел сквозь сигаретный дым командир авианосца.

Первый лейтенант умолк и на командном пункте авианосца на какое-то время воцарилось молчание. Все понимали, что экспедиция начинается на грани международного конфликта, а значит, скверно. В штабе Военно-морского флота допускали, что эскадра может столкнуться с сопротивлением со стороны охраны германской «Базы-211» и неизвестных им сил Внутреннего Мира. Но там и мысли не допускали о том, чтобы затевать схватку с флотом Аргентины, Чили или еще какой-то «полуантарктической» страны.

– ...И если учесть, что командир субмарины поддерживает связь с аргентинцами на острове Эстадос... – словно бы вычитав его мысли, принялся вслух размышлять полковник разведки. – Нет, этого военного конфликта нам лучше избегать.

– А если нам его нагло навязывают? – спросил контр-адмирал.

– За Аргентину сразу же вступится Москва, для Кремля это прекрасный повод вмешаться в дела послевоенного американского континента. В правительстве нашими действиями будут крайне недовольны. Любой конфликт рассматривается сейчас, как предвестник еще одной мировой войны.

– Мне и без вас это прекрасно известно, полковник, – раздраженно отреагировал Брэд, напоминая Ричмонду, кто здесь командует эскадрой.

– Не сомневаюсь, сэр, – сдержанно ответил старый служака из уважения к чину Брэда и его славе полярного исследователя. Но лишь выдержав еще несколько секунд «наполеоновской» паузы, контр-адмирал вновь взялся за трубку.

– Не атаковать! – последовал приказ командиру разведывательного авиазвена. – На конфликт не провоцировать!

– Но ведь они же явно держат нас под контролем!

– Я в этом не сомневаюсь, – напрягая хронически простуженную глотку, прохрипел Брэд.

– И ведут разведку!

– Южная Атлантика и море Скоша – пока еще не моя частная собственность, – отрубил Роберт Брэд.

– Я понимаю, сэр. Однако честь американского флага требует от нас...

– Продолжайте разведывательный полет, первый лейтенант, – прервал его контр-адмирал, едва сдерживая раздражение. – В данном случае, честь американского флага требует от вас выдержки. И не теряйте бдительности, не исключено, что тевтоны попросту отвлекают ваше внимание.

Усевшись в свое адмиральское кресло, Брэд несколько минут, закрыв глаза и запрокинув голову, безмолвствовал. Присутствовавшие на просторном, хорошо обогреваемом командном пункте офицеры тоже хранили молчание. Рейд еще только начинался, а Брэд уже впадал в сомнения: стоило ли ему ввязываться в эту военную авантюру.

Однажды ему уже удалось избежать подобной участи. Это было осенью тридцать восьмого года, когда ему предложили присоединиться к германской экспедиции на «Швабенланде». Участие в ней известного американского полярника, конечно же, должно было придать походу фон Риттера респектабельности и видимости международной акции. Но тогда у него хватило мужества отказаться от очередной «волны антарктической славы», которую так убежденно обещали ему бароны фон Риттер и фон Готт.

5

Осень 1938 года.

Территориальные воды Германии.

Борт трансатлантического лайнера «Саксония»

Проснувшись, Роберт Брэд быстро облачился в ватные полярные брюки и меховую куртку и, стараясь не разбудить по-детски посапывающую во сне юную германку, вышел на кормовую палубу. Укрывшись за надстройкой судна от пронизывающего северного ветра, он поднес к глазам бинокль и увидел впереди и справа по борту склон заиндевевшей скалы, вершина которой слегка искрилась на неярком ноябрьском солнце.

– По всей вероятности, это какой-то остров? – по-английски спросил он стоявшего рядом джентльмена в форменной морской куртке и фуражке с якорем на кокарде.

– Остров Шархерн, сэр, – ответил тот по-немецки, не устаивая, однако, американца взглядом.

И лишь услышав его густой басовитый голос, полярник узнал в нем того самого господина, который несколько предыдущих вечеров просиживал за соседним с ним ресторанным столиком в мрачном молчании, попивая виски и почти неотрывно глядя в иллюминатор. Но только сейчас Роберт впервые увидел его во флотском одеянии, с нашивками офицера торгового флота. Темные, со щедрой проседью, волосы, коричневатое, основательно избитое оспой лицо, крючковатый, расширенный в ноздрах, «синайского» покроя нос. На арийца этот человек явно не смахивал, но, судя по нашивкам на погонах и рукавах, ценили его на службе не за его расовое происхождение.

– То есть мы уже подходим к устью Эльбы, – решил проявить свое знание географии Роберт Брэд. Но лишь для того, чтобы как-то продолжить разговор.

– До устья еще далеко, – все так же мрачно поигрывая желваками, и вновь по-германски, отвечал моряк. Хотя Роберт мог поклясться, что слышал, как не далее чем вчера он довольно бойко общался с каким-то преклонных лет джентльменом на вполне сносном английском. Очевидно, близость германских берегов порождала в нем воинственный тевтонский шовинизм. – Мы всего лишь входим в Дойче-бухт, и теперь нам понадобится долго идти по заливу, пока не минуем Кильский канал, оставляя его по левому борту.

– Благодарю, сэр, теперь я сориентирован. Главное, что мы в Германии.

– В благословенной Богом, – назидательным тоном напомнил ему моряк.

– ...для всякого германца.

– Однако, миновав канал, – не стал развивать эту тему знакомый незнакомец, – нам еще пару часов придется подниматься вверх по Эльбе, до причалов Гамбургского порта. Кстати, при входе в него мы увидим судно, которое заинтересует вас больше всех остальных.

– Почему вы решили, что какое-то из судов может сильно заинтересовать меня, пребывающего на море только в качестве пассажира? – тоже перешел Брэд на немецкий.

– Потому что это судно носит название «Швабенланд», – пожал плечами моряк.

– А почему вы считаете, что меня должен заинтересовать именно «Швабенланд»? – Брэд прекрасно понимал, что после всего услышанного задавать подобные вопросы попросту бессмысленно. Но его задело это всезнайство тевтонца. Причем всезнайство с налетом наглости и, – что в глазах американца было совершенно недопустимым, – превосходства.

Только теперь моряк оторвал взгляд от медленно проплывающей в розовой рассветной дымке островной скалы и с нескрываемым любопытством взглянул на Брэда. Это был взгляд человека, уличившего своего собеседника в мелочной лживости и пытающегося вот так, бессловесно, усомниться в его.

– Эти американцы, черт возьми! – проворчал он так, словно апеллировал к кому-то третьему, кто мог слышать их обоих. – Почему именно «Швабенланд»? Да потому что именно «Швабенланд» готовится к экспедиции в Антарктиду. К выдающейся экспедиции, на которую исследователей благословил сам фюрер. А какие работы были проведены и сколько рейхсмарок в это дело вложено! Обычный океанский почтовый авианосец перестраивают под мощное полярное судно, способное дать фору любому ледоколу. Запланировано исследовать огромную территорию материка, зафотографировав ее на десятки тысяч снимков. Ни Северный, ни Южный полюс такой грандиозной экспедиции еще не устаивались. Или, может быть, – вдруг спохватился моряк, – существует какая-то иная цель вашего визита в Германию, а, господин Брэд?

– Иной цели не существует, – отчеканил полярник.

– Не лукавьте, признавайтесь, сэр.

– Конечно же, мне нужен «Швабенланд»! – иронично ухмыльнулся Брэд. – Это ведь так очевидно, поскольку написано на моем лице.

– Да, господин полярник, да.

– Кто в таком случае вы? Тоже из племени полярников?

– Только изгнанный из этого племени за непростительное теплолюбие. – Кто бы мог подумать, что этот угрюмый с виду крепыш способен на столь утонченный юмор! – Вот если бы Южный полюс располагался где-нибудь в районе экватора!..

– И все же.. если повнимательнее присмотреться к вашей личности?

– Тогда – капитан Курт Древиц. Представляю Германское общество полярных исследований¹⁹.

– Солидная организация.

– Уже хотя бы в силу того, что именно это общество пригласило вас для участия в экспедиции барона Альфреда фон Риттера.

– И каковы же ваши функции в Обществе полярных исследований?

– Отвечаю за безопасность тех людей, которых мы привлекаем к участию в экспедиции, – не стал Древиц превращать свой род занятий в некую тайну.

– То есть вы были тем человеком, который специально прибыл в Нью-Йорк, чтобы доставить меня в Германию?

– Человеком, «доставляющим вас в Германию», следует считать прекрасную германку, досматривающую свои сумбурные девичьи сны в вашей каюте.

– Эльзу?!

– Ну, положим, «Эльза» – это всего лишь общее наименование всех наших агенток. Подобно тому, как всех американцев в Европе называют «янки». – Древиц то ли действительно не взлелеял в своей душе чувства ревности к «янки» Брэду, то ли слишком профессионально скрывал это.

– Кого же тогда я пригласил в своей постели?

– На самом деле одиночество ваше скрашивала Лилия Фройнштаг²⁰. Теперь, когда мы уже в Германии, имя ее тайной не является.

– Из этого не следует, что вы должны все упоминать имя моей дамы, сэр, упоминая при этом о нашей близости. Давайте чтить кодекс джентльмена.

– Кодекс останется незапятнанным, доктор Брэд. В то же время напомню, что в Германию вы прибыли по своей воле, откликаясь на официальное письменное приглашение Общества

¹⁹ Организационное ядро этого общества формировало состав экспедиции и готовило его к работе в условиях Антарктики.

²⁰ С этой героиней читатели могли знакомиться в романах Богдана Сушинского «Похищение Муссолини», «Черный легион», «Ветер богов» и других.

полярных исследований. Мы с Фройнштаг, как и служба, которую мы представляем, не имеем к этому никакого отношения.

– Я ведь не зря упомянул о кодексе джентльмена.

– И уверяю: вы не пожалеете о том, что приняли участие в экспедиции, которое, ко всему прочему, еще и будет щедро вознаграждено определенной суммой рейхсмарок.

– Для начала нужно хотя бы увидеть этот ваш «Швабенланд».

– Судно прекрасно подготовлено к походу, команда надежная, два разведывательных самолета на борту.

– Уже вызывает уважение.

– И, что для вас, исследователей, очень важно, – после завершения экспедиции статьи о ней появятся в газетах всего мира.

– Самые теплолюбивые из германцев тоже входят в состав этой команды?

– Окончательно не решено. И потом, вряд ли... Извините, но у меня и в Германии дел хватает. Однако не буду осквернять своим присутствием ваше одиночество.

– Простите, но зарождается еще один вопрос, – остановил его доктор Брэд.

– Слушаю вас очень внимательно, – сухо и снисходительно проворчал Курт.

– Почему вы вдруг решили «взорвать» свое и Лилии Фройнштаг инкогнито, делая вид, что впредь хотите играть в открытую?

Древиц окинул рослую, ладно скроенную фигуру Роберта Брэда таким сочувственным взглядом, словно перед ним стоял городской юридивый и, нахраписто рассмеявшись, объяснил:

– Обычно в нашей среде на подобные вопросы отвечать не принято. Но поскольку вы, доктор Брэд, слишком много времени проводите не среди полярных разведчиков и дипломатов, а в обществе таких же полярных скитальцев и белых медведей, то я вам объясню. Я «врываю», как вы изволили выразиться, это свое инкогнито только для того, чтобы делать вид, что впредь мы намерены играть с вами, доктор Брэд, «в открытую», без какой-либо «карты в рукаве». А посему позвольте еще раз представиться – гауптштурмфюрер СС²¹, доктор философии Курт Древиц.

И эти, последние, фразы прозвучали для Брэда, как публичная пощечина его наивности.

Проведя доктора от СС-философии оскорбленным взглядом, Роберт передернул подбородком, поражаясь тому, как все странно складывается с этим его вояжем в Европу, и всматриваться в проплывающие вдоль борта почти отвесные, расчлененные фиордами скалы не стал. Они как-то сразу же потеряли для Брэда всю свою привлекательность.

«А ведь в Антарктиде уже начинается весна, – с тоской, понятной только человеку, совершившему три полярные экспедиции, подумал он, окидывая взглядом, охваченное осенним туманом островное побережье. – Это – к разговору об «обществе полярных скитальцев и белых медведей», в среде которых я действительно чувствую себя все увереннее и надежнее».

И все же эта встреча с гауптштурмфюрером СС не способна была окончательно выбить его из седла. В конце концов, какое ему дело до каких-то двух агентов германских спецслужб, которые к тому же заинтересованы в его участии в экспедиции «Швабенланда»?! Сейчас важно только то, что он, известный американский полярник, прибывает в Германию, чтобы принять участие в грандиозной международной экспедиции в Антарктиду. Причем в экспедиции, в ходе которой на ледяной континент можно будет взглянуть даже из иллюминатора самолета – на что судьба его, участника трех полярных экспедиций, еще никогда не расщедривалась. Важно только это, а все остальное не имело сейчас никакого значения.

Обзванивая перед отплытием в Европу друзей и коллег, Брэд не скрывал своей гордости за то, что в Германском обществе полярных исследований вспомнили именно о нем, и из

²¹ Чин гауптштурмфюрера СС приравнивается к чину гауптмана (капитана) вермахта. Однако капитан вермахта обязан был отдавать честь первым.

всех американских полярников пригласили только его. И коллеги понимали Брэда. В последнее время ему не везло на экспедиции, он явно засиделся на «большой земле». Да и в мире настолько пахло очередной великой войной, что народам было не до исследований повадок тюленей и движения айсбергов.

Вернувшись в каюту, полярник увидел, что Лилия – теперь он пытался привыкнуть к ее настоящему имени, если только оно действительно было настоящим, – все еще спит, лежа на боку и натянув одеяло на кончик носа. Но оказалось, что на самом деле эта притворщица не спала. Стоило Брэду на несколько мгновений задержаться у столика, на котором лежала ее сумочка, как он тут же услышал:

– Если вас интересует мое настоящее имя, – все дни знакомства они общались только на немецком, хотя спутница Брэда довольно сносно владела английским, – то я могу назваться.

– Нет, фрау Лилия Фройнштаг, уже не интересует.

– Понятно, мой полярный паломник, вы успели мило побеседовать на палубе с Куртом Древицем.

– С гауптштурмфюрером СС Куртом Древицем, – уточнил Брэд.

– Как же непростительно далеко заходят иногда в своем мимолетном знакомстве наши словоохотливые мужчины! – резюмировала Лилия, не выказывая при этом ни тени раздражения.

– Он и вам тоже советовал играть со мной «в открытую»?

– Мне с вами, доктор Брэд? Или, все же, вам – со мной? Что имеет принципиальное значение.

– Уж вы то, надеюсь, дипломом доктора философии обзаводиться не стали? Или же, пребывая под крылом Древица...

– В отличие от гомосексуалиста Древица, – сразу же пресекла Фройнштаг его намеки на особые отношения с гауптштурмфюрером, – не стала. Так что единственное сведение, которое вы могли бы добыть, порывшись тайком в моих документах, это мой чин. Но эту тайну я продам вам с особой легкостью: я – гауптшарфюрер, то есть обер-фельдфебель войск СС.

– Что-что? Вы – обер-фельдфебель?! – прочистил Брэд свою хронически простуженную полярными морозами луженую глотку коротким лошадиным ржанием. – В сонном бреду не мог бы предположить такого! – искренне изумился он. – В сонном бреду!

– Напомню, что это всего лишь самый высокий чин перед офицерским, – с оскорбленной гордыней молвила Фройнштаг, – на который, замечу, у меня тоже есть все основания рассчитывать.

– Нет, уму не постижимо: вот уже которую ночь я провожу в постели с фельдфебелем!

– Уймись, доктор Брэд. Не спорю, на вашем месте я бы тоже изумилась, но спали вы все же не с фельдфебелем, а с прекрасной женщиной. И потом, мне почему-то казалось, что вас больше смутит моя принадлежность к войскам СС.

– К войскам СС? С какой стати? Или, может быть, у нас в Америке все еще очень плохо представляют себе, насколько воинственна и националистична эта организация?

– Это не тема для разговора, – решительно пресекла его веселье гауптшарфюрер Фройнштаг, и впервые за все время знакомства в голосе ее прозвучали угрожающие нотки.

– Не представляют, это точно. Именно поэтому вы, Фройнштаг, решаетесь держать при себе удостоверение личности служащего «охранных отрядов партии»²².

– Вы явно спутали СС с гестапо, мой полярный паломник, – мило улыбнулась Фройнштаг, – о котором американцы, как правило, тоже пока что имеют смутное представление.

²² Первоначально части СС создавались как отряды партии, призванные охранять партийные мероприятия и вождей Национал-социалистской германской рабочей партии.

– А с чем мне позволительно спутать ваше СД? И вообще, что это такое: еще одна разведка?

– Я знаю, что америкашки плохо разбираются в наших спецслужбах. Даже профессионалы.

Это свое «америкашки» она произносила уже не впервые, но всякий раз делала это настолько игриво, почти нежно, что Брэд не решался ни делать ей замечание, ни тем более возмущаться.

Вот и сейчас, произнеся это, Лилия демонстративно оголила упругую, цвета слоновой кости, грудь. «Настоящую, фельдфебельскую...», – заметил про себя Роберт. И этого было достаточно, чтобы, вспомнив о царящем на палубе ледяном ветре Северного моря, полярник вновь принялся поспешно срывать с себя одеяния.

– Но особенно смутное представление они имеют об СД.

– СД или Зихерхейтсдинст – это служба безопасности и разведки, созданная внутри СС. Однако она уже давно вышла из материнского чрева, превратившись в самостоятельный и грозный аппарат.

– К которому вы тоже принадлежите. – Брэд рискнул пойти на обострение отношений именно тогда, когда его следовало всячески избегать.

– Должна же я, в конце концов, принадлежать к какой-то из германских служб! – невозмутимо парировала Фройнштаг, вновь подтверждая подозрение видавшего виды сорокалетнего полярника в том, что эта женщина вообще лишена каких бы то ни было комплексов и предрассудков.

Говорить с ней можно было на любые темы, кроме разве что каких-то особых тайн СС, не опасаясь при этом благородных амбиций и жеманничанья. Правда, теперь Роберт прекрасно понимал, что за легкостью общения и женским всепрощением скрывалась некая основная, жесткая профессиональная тайна агента СД. Но это уже детали.

– Тогда почему бы вам так сразу и не представиться мне еще там, в нью-йоркском порту: «Агент СД Лилия Фройнштаг»?

– Только потому и не представилась, что, как вы сами подметили, я – все еще агент СД.

– Я так понял, что только что вы процитировали самый заумный каламбур, из когда-либо созданных в недрах спецслужбы СС?

– И благодарите Господа, мистер Брэд, что я оказалась этим агентом. И что этим агентом оказалась именно я. Иначе как бы я могла проникнуть на ту сторону Атлантики, и кого бы вы ласкали все эти дни океанских скитаний в своей слишком узкой и безбожно жесткой постели?

– Относительно «безбожно узкой» – не возражаю. А вот что касается жесткости то благодаря вам прочувствовать ее мне не пришлось.

– Не скабрезничайте, доктор Брэд, вам как ученому это не к лицу, – ровным спокойным голосом усовестила его Фройнштаг и, захватив за затылок, вновь заставила прильнуть губами к ее телу.

– Прошу прощения, мэм, – едва успел он проговорить, поскольку с этой минуты право на исповедь получала только женщина.

– ...А еще учтите, что мы с Куртом приставлены были к доктору Брэду только для того, чтобы оберегать вас от нападков и нападений антигермански настроенного американского еврейства, негров и латиносов-коммунистов.

– Что-то я не замечал подобной угрозы со стороны названных вами этносов.

– Вы многого не замечали, доктор Брэд, – решила окончательно поставить его на место Лилия Фройнштаг. – И вам как естествоиспытателю это не делает чести. Привыкайте почаще оглядываться вокруг себя и повнимательнее присматриваться к тем, кто рядом с вами.

– Я воспользуюсь этим вашим советом, когда ступлю на палубу авианосца «Швабенланд». Мне действительно стоит присмотреться к тем людям, из которых ваша служба сформировала его команду.

– В таком случае прислушайтесь к еще одному совету: не стоит усложнять себе жизнь излишними подозрениями на борту «Швабенланда». Вы же знаете, как трудно выходить в океан, а тем более – идти к берегам Антарктики, с людьми, которым не доверяешь. И не забывайте, что мы с вами, если и не друзья, то уж, во всяком случае, союзники.

Уже почти раздевшись, Брэд вдруг засомневался: не воспротивится ли Фройнштаг после всего, что здесь было сказано, близости с ним. И, похоже, что Фройнштаг и в самом деле решила было подняться с их корабельного ложа, но, осмотрев мощную полуоголенную фигуру Брэда, отказалась от этого демарша. Тем более, что перед ее начальством они с доктором Брэдом обязаны были предстать в виде вполне доверяющих друг другу людей, а иначе каков смысл в ее поездке в Америку?

– У вас благородное лицо, доктор Брэд, – неожиданно для себя отвесила она комплимент этому эсэсенавистнику. – Нет, правда: высокий лоб, почти миндалевидные глаза, прямой, римский нос, четко очерченные, слегка полноватые для мужчины губы, массивный волевой подбородок.

– Прекратите издеваться, Фройнштаг, – поеживался Брэд, прикрывая свою выпяченную волосатую грудь толстым белым свитером и все еще не решаясь лечь рядом с женщиной.

– Я не издеваюсь, Роберт. Я мысленно рисую портрет выдающегося полярника, героя международной антарктической экспедиции, чтобы затем оставить его любознательным потомкам.

– Я продрог и хотел бы лечь. В каюте довольно холодно.

– Вас загоняет под мое одеяло только прохлада корабельной каюты? Как же низко пали мои женские достоинства. А ведь я лелеяла мечту снова выйти с вами в Атлантический океан, на сей раз – на борту «Швабенланда».

– Вы?! А вам приходилось когда-нибудь бывать в полярных экспедициях?

– Нет, конечно. Как и большинству из тех людей, которые окажутся вместе с вами в каютах полярного авианосца. И потом, я ведь не собираюсь впрягаться в сани, чтобы, подобно капитану Скотту, – она потянулась рукой к лежащему на столике «Дневнику капитана Скотта», – тащить их за собой к Южному полюсу.

– И вы уже говорили о своем участии в экспедиции с руководством? – присел Брэд на краешек кровати.

– Пока что нет. Но барон фон Готт, который, наверное, будет возглавлять службу безопасности этой экспедиции, намекнул, что такое участие возможно. Если вы воспримете меня как секретного личного телохранителя.

– Но я не столь уж важная персона, чтобы приставлять ко мне еще и личного телохранителя.

– Вы даже не догадываетесь о том, насколько вы важная персона для всех, кто занимается этой экспедицией, подготовкой к которой интересуется сам фюрер. Замечу, что он лично одобрил вашу кандидатуру вслед за гросс-адмиралом Редером и командующим люфтваффе Германом Герингом.

– Неужели моей скромной персоной действительно занимались первые лица рейха? Это невероятно!

– Ничего невероятного, если учесть важность экспедиции.

– Обычная научная экспедиция. Какая-то группа сойдет на лед, пилоты сделают несколько сотен снимков. Образцы скальных пород и наблюдения синоптиков...

– Да кого там будут интересовать ваши «наблюдения синоптиков»?! – неожиданно сорвалась Фройнштаг, – стал бы фюрер тратить на них миллионы рейхсмарок и снаряжать такую

экспедицию, если бы... Впрочем, я, кажется, увлеклась, – вдруг запнулась она на полуслове. – Что вы, Брэд, сидите на краешке кровати, словно пингвин на отколовшейся льдине?

– Не обращайтесь на меня внимания. И, ради бога, договаривайте, договаривайте! Для меня очень важно знать, почему экспедиции придается такое значение.

– Не говорите впредь ничего подобного, иначе вас заподозрят в шпионаже в пользу США.

– Никто меня ни в чем не заподозрит, Фройнштаг. Никому я там, в США, не нужен.

– Просто ваши америкашки еще не успели сообразить, в центре каких событий вы можете оказаться.

– Вот именно: каких? – нетерпеливо поинтересовался Роберт.

– Тем более, – избежала прямого ответа Фройнштаг, – что и наше правительство пока что старается не афишировать поход «Швабенланда», предпочитая заговорить о нем в тот день, когда миссия авианосца будет выполнена.

– Значит, за этой миссией что-то скрывается, – задумчиво проговорил доктор Брэд. – Это не обычная экспедиция. Что за ней скрывается, Фройнштаг?

Лилия какое-то время задумчиво молчала, затем произнесла:

– Просто организаторы ее побаиваются, как бы нас кто-то не опередил: скажем, американцы, норвежцы или русские.

– Неубедительно вы все это говорите, Фройнштаг.

– Сама чувствую, что неубедительно, доктор Брэд. Но никакой более толковой версии предложить не могу. Пока что не могу. Поэтому прекратим этот бессмысленный разговор. Лучше вспомните, что это я лежу в вашей постели, сэр, а не вы в моей.

– Изумительная наблюдательность. И как я должен вести себя в этой ситуации?

– Соответственно, доктор Брэд, со-от-вет-ствен-но... – многозначительно, по слогам, изрекла Фройнштаг.

6

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика.

Море Скоша.

Полярная эскадра контр-адмирала Брэда. Борт флагманского авианосца «Флорида»

Эскадра уже почти миновала опасную «банку», созданную скоплением блуждающих айсбергов и набившимися между ними осколками пакового льда, германо-аргентинская субмарина тоже исчезла, и теперь уже адмиралу Брэду ничто не мешало спуститься к себе в каюту, выпить чашечку-другую кофе с коньяком и подремать. Но как раз в то мгновение, когда он готов был передать эскадру кэптену Николасу Вордану, с жестким требованием: «по пустякам не тревожить!», на связь неожиданно вышел командир идущего чуть впереди и слева линкора «Галифакс» командер Эркорт:

– Здесь творится явная чертовщина, сэр! – послышался в трубке его гортанный ирландский говор. – Обратите внимание на отдельно плывущий айсберг, в полумиле от меня.

Брэд тотчас же припал к окулярам бинокля. В полумиле от линкора, чуть прячась за его кормой, действительно восставал невысокий айсберг, с плоской, как площадка для гольфа, вершиной.

– И что в нем «чертовщинного», командер? Кроме того, что, насколько я могу судить, у него плоская вершина и что он, по-моему, сближается с вами?

– У него почти идеально ровная вершина, – уточнил Эркорт, которого на флоте так все и называли «Ирландцем», – имеющая форму большого овала.

– Природа способна создавать и не такие чудеса, взять хотя бы благословенную Богом Ирландию...

– Спасибо, за лестный отзыв об Ирландии, сэр; знаю, что вам приходилось бывать там.

– Вместе с тремя ирландскими полярниками я готовился к походу на Канадский Север, – не мог отказать себе в удовольствии вспомнить то далекое время Роберт Брэд. Он мог бы вспомнить и о том, как в него влюбилась невеста одного из ирландцев, дочь какого-то английского баронета-судовладельца из Ливерпуля, и дело чуть не кончилось дуэлью. Но о таких приключениях молодости следует вспоминать за бутылкой виски. – Тренировки проходили в ледовых фиордах в районе мыса Хорн-Хед.

– На северо-западе Ирландии, – определил Эркорт. – Так вот, остальные айсберги почти неподвижны, во всяком случае, движение их незаметно, а этот, плоский, державшийся позади линии айсбергов, неожиданно развернулся почти на 180 градусов и начал выдвигаться к концу их строя. Я не большой знаток Антарктики, однако подобная резвость одного из айсбергов кажется слишком странной.

– Даже если учитывать причуды течения, порождаемого недалеким проливом Дрейка?

– Мой специалист уже доложил, что течение здесь мизерное и направлено из Тихого океана в Атлантику, а не наоборот. Вам приходилось когда-нибудь встречать айсберг, движущийся против течения? А эта ледовая «рулетка» двигалась именно так. Причем теперь она идет почти параллельным со мной курсом, то есть во второй раз изменив направление движения.

– Это уже серьезно, – признал адмирал. – Продолжайте наблюдение и увеличьте скорость. У этого «крупье» может оказаться далеко выступающая подводная часть.

– Выполняю, сэр.

– Первый лейтенант Робертс еще в воздухе? – озабоченно поинтересовался Брэд у командира авианосца, который слышал его переговоры с бортом линкора «Галифакс».

– Командир пилотов только что запросил разрешения на посадку, – через полминуты доложил Вордан. – На исходе горючее.

– Свяжитесь с ним и нацельте на айсберг, который условно будем именовать...

– «Крупье», – подсказал дежурный офицер Остин.

– Лучше – «Ледовым Титаником». Так вот, пусть пилот Робертс со своими парнями выяснит, что там мерещится нашему Ирландцу.

– Может, сразу поднять в воздух все наши бомбардировщики и устроить им учебное бомбометание?

– Дай-то Бог, чтобы нам не пришлось устраивать эти бомбометания в Антарктиде, дорожа при этом каждой бомбой.

– Понял, сэр, налет отряда бомбардировщиков отменяется.

– В любом случае, нам следует доложить об этом случае в штаб флота и генералу Доновэну, – молвил полковник разведки Ричмонд.

Командующий эскадрой смерил его тяжелым испепеляющим взглядом и саркастически хмыкнул.

– Если хотите, чтобы и в штабе флота, и в разведке решили, что во главе экспедиции оказалась кучка идиотов, – валяйте, полковник. За собственной подписью.

Ричмонд обиженно набычился, а вот командир авианосца, недолюбливавший полковника уже хотя бы за то, что тот принадлежит к разведке, наоборот, довольно ухмыльнулся.

– Обратите внимание, полковник, – подчеркнул он, – только за собственной...

Однако облет айсберга всеми четырьмя находившимися в воздухе самолетами ничего не дал. Во время авиаразведки айсберг оставался совершенно неподвижным, а из того, что вершина его напоминала пилотам «палубу авианосца с небольшой надстройкой на баке» и почти овальной, глубокой трещиной в центре, абсолютно ничего не следовало. Тем более что и командиры левофланговых линкоров «Галифакс», «Сан-Антонио» и «Колорадо» тоже подтвердили, что Крупье прекратил крутить свою рулетку и уgomонился.

– Скорее всего, этот айсберг оказался в центре гигантской воронки, – предположил первый лейтенант Робертс, в последний раз осматривая из своего поднебесья палубу «Ледового Титаника».

– И с этим стоит согласиться, – сразу же поддержал его толкование кэптен Вордан.

– Во время службы в авиации береговой охраны, – воодушевился его поддержкой Робертс, – мне не раз приходилось наблюдать эти дьявольские жернова в районе мыса Хаттерас, а однажды – чуть западнее Бермудских островов.

– Пилот прав, сэр, – вновь подтвердил командир авианосца. – Об этих «дьявольских жерновах» наслышаны моряки всех авианосцев.

– В одну из таких воронок чуть не втянуло мою машину, – завершил свой доклад Робертс. – Это были не самые приятные минуты в моей жизни, сэр. Струсил, как кадет после первого неудачного захода на посадочную полосу.

– Ваше мнение учтено, – проворчал контр-адмирал. – Аргентинскую субмарину больше не наблюдаете?

– Нет, сэр. Похоже, теперь она окончательно ушла в сторону Огненной Земли. Прошу разрешения на посадку.

– Не возражаю, пилот.

– Инцидент исчерпан, – откликнулся на его просьбу и кэптен Вордан. – Самолеты – на палубу! Пилотам – благодарность командования.

Решив, что на сегодняшний вечер с него достаточно, контр-адмирал приказал адъютанту приготовить кофе и ванну, и, выйдя на продуваемую всеми ветрами командирскую палубу, еще с минуту понаблюдав в бинокль за движением эскадры. Словно предвидя, что командующий эскадрой устроит им вечерний смотр, командиры судов подтянулись, заняли отведенное им место в строю и жестко выдерживали заданную скорость.

В последний раз взглянув в ту сторону, в которой, за далеким горизонтом, оставался беспокойный, но все же более-менее освоенный человечеством мир, Брэд спустился в свою адми-

ральскую каюту и с удовольствием опустился в роскошное кожаное кресло между журнальным столиком и имитацией камина. Кювета эта меблировалась не для него, в ней не раз выходили в океан командующие Шестым флотом и всеми Военно-морскими силами США, а однажды в ней провел почти двое суток президент. Но все равно Брэду было приятно находиться в этом уютном корабельном закутке.

Как человек, много лет проводивший в полярных скитаниях и изнурительных арктических зимовках и привыкший ночевать в палатках, хижинах, эскимосских иглу и просто на навьюченных санках, он обостренно воспринимал любое проявление комфорта и ценил его так, как, возможно, не способны были ценить миллионы других американцев. Удобно было и то, что рядом, на специальном столике, располагался пульт связи, обслуживаемый дежурным связистом, обитавшим вместе с адъютантом командующего в соседней каюте.

– Ваша ванна готова, сэр, – доложил по межкаютной спецсвязи адъютант Шербрук, который мог входить в ванную каюту со своей обители.

– Прикажите дежурному связисту докладывать обо всем, что достойно вашего, лейтенант-коммандер, внимания.

– То есть только в том случае, когда над авианосцем зависнет «летающий диск» инопланетян, – уточнил Шербрук.

– Смотрите, не напророчьте, коммандер, – недовольно проворчал контр-адмирал.

– Ну, пророком я всегда был никудышным...

– Согласен, пророком вы обычно бываете никаким, да только входим мы с вами в ту часть планеты, в которой все нематериальное обладает странной способностью материализоваться. Причем в самых причудливых формах.

В общем-то, Брэд никогда не отличался суеверностью, но с того времени, как ему было поручено командование Полярной эскадрой, в сознании его произошло нечто такое, что заставляло его с особой обостренностью относиться ко всему тому, что могло иметь хоть какое-то отношение к непознанному миру. А сам этот Непознанный Мир действительно стал проявляться в самых неожиданных формах и предположениях, наподобие тех, которые только что возникли у командира линкора «Галифакс».

«Хотел бы я, будучи в штабе флота, прочесть это донесение полковника разведки Ричмонда: «Айсберг развернулся на 180 градусов и принялся преследовать линкор «Галифакс!», – оправдывал он свое «недонесение» о странном наблюдении за айсбергом командира линкора. – Представляю себе, что бы написали после этого о командующем Полярной эскадрой в американских газетах! Кстати, о прессе... – вдруг вспомнил он, уже сняв с себя адмиральский мундир и облачившись в теплый шерстяной халат. – Ты ведь, черт возьми, совершенно забыл о том, что в последний день на борт поднялось несколько журналистов! Странно, что они до сих пор не свалились тебе на голову».

– Адъютант, – прохрипел он, нажав кнопку переговорного устройства, – сколько в эскадре журналистов и где они обитают?

– На авианосце – трое газетчиков, – доложил он уже после того, как контр-адмирал погрузился в ванную. – Точнее, один из них радиоккомментатор, а двое других...

– Да плевать, кто они там, – благодушно прервал его доклад командующий. – И потом, почему все трое на авианосце?

– Это ведь журналисты... Прежде всего их интересует командующий, – выразительно пожал плечами адъютант, словно речь шла о какой-то дичайшей странности, – и тот корабль, на котором решается судьба экспедиции.

– При первой же возможности одного из них переправьте на судно-базу.

– На «Монтерей», сэр, – для порядка уточнил адъютант. – Переправлю туда шведа. самого наглого и беспардонного. К тому же так и не удосужившегося протрезветь после пьянки в портовом отеле.

– «... Пьянки в портовом отеле!», – на сей раз повторил уже сам контр-адмирал. Однако вспомнил при этом другой порт, другой отель и другую страну.

Это был Гамбург 1938 го. Далекий Гамбург, и теперь уже далекого тридцать восьмого. Отель носил наименование «Фрегаттен-капитан», а женщину звали Лилией Фройнштаг. Он бы мог продолжить эти воспоминания, если бы они не казались слишком несвоевременными и взрывоопасными. Во время дальнего похода подобным бредням прошлого лучше не предаваться, даже мысленно.

– Однако никто из них ничего не должен знать о фантазиях по поводу айсберга «Ледовый Титаник».

– Никто и ничего, – по-привычке подтвердил Шербрук. Было время, когда эта его непреодолимая потребность повторять последние слова командующего слегка раздражала Брэда, но со временем он привык, и, когда адъютант забывал о своей привычке, уже воспринимал как невнимательность. Или отсутствие служебной ревностности.

– И еще... Им категорически запрещено бродить по кораблю и приставать с расспросами к офицерам. Не говоря уже об уоррент-офицерах²³ и прочих чинах.

– Категорически. Особенно – ко всем прочим.

– Всю необходимую информацию они будут получать у третьего помощника командира корабля, как его там...

– Лейтенант-коммандер Отто Шведт, сэр.

– Германец что ли?

– Не могу знать, сэр.

– Так выясните, черт возьми! Только германцев нам здесь и не хватало.

– Но он, очевидно, американский германец.

– Скорее, германский американец, – обронил командующий.

– Значит, спецслужбы проворонили. Однако списать его теперь можно только за борт, предварительно подняв на мачте авианосца «Веселый Роджер». Полковнику Ричмонду и двум его подручным следовало бы присмотреть за ним.

– В любом случае, информация, которую он будет предоставлять журналистам, должна исходить только от вас, адъютант.

– Мой же источник – мне хорошо известен, – заверил его Шербрук.

– Это уже слово полярника, – одобрил Брэд.

Погрузившись в ванну, адмирал несколько минут лежал в ней, блаженно закрыв глаза и ни о чем не думая. Он наслаждался ощущением благодати того состояния, в котором сейчас пребывал. Люди, не прошедшие через насквозь пронизанные пятидесятиградусными морозами палатки полярных паломников, вряд ли способны были так ощущать эти минуты физического и душевного комфорта и так ценить их.

²³ Уоррент-офицер приравнивается к званию мичмана в российском флоте.

7

Ноябрь 1938 года. Германия.

Борт трансатлантического лайнера «Саксония»

Теплое, пропитанное запахами недорогих духов и взбудораженной плоти, тело германки показалось Роберту Брэду как никогда ранее вожаемым и почти родным. Медленно, почти с суеверным трепетом исцеловывая ее шею, грудь и подрагивающие мышцы живота, Роберт оттягивал тот момент, когда их тела должны были слиться во взаимовоспламеняемой страсти.

Несколько ночей, проведенных в постели с этой ржановолосой арийкой, достаточно насытили его физиологически, чтобы теперь он приучал себя дорожить мгновениями такого вот, платонически трепетного наслаждения близостью друг с другом.

– Вы ласкаете меня так, словно в самом деле влюблены, мой Полярный Паломник, – Роберт почувствовал волнительную дрожь ее голоса, и это придало его ласкам еще большей нежности.

– Мне и самому теперь уже кажется, что «в самом деле», – явно поскупился Полярный Паломник на комплимент или все ту же, милую постельную неправду, которая давно освящена устами миллионов влюбленных.

– Опять эта кроткая неуверенность, – не простила ему Фройнштаг, – с которой вы почти двое суток подступались ко мне, теряя невосполнимое время блужданий в океане ночных страстей.

Конечно, от этого оберфельдфебельского замечания Фройнштаг могла бы и воздержаться, так что Бог ей в этом судья. Но, в общем-то, она была права: после того, как еще в порту, сразу же после посадки на судно, Лилия протиснулась к фальшборту между ним и, как он теперь знает, Куртом Древицем, на Брэда вдруг нахлынула волна апатичной стеснительности.

То поначалу ему все казалось, что эту женщину он уже несколько раз видел у своего дома в Бриджпорте, на окраине Нью-Йорка, – и Полярный Паломник пытался осторожно выяснить, так ли это и не в том ли районе она проживает. То, вновь встретившись с ней уже под вечер, когда нью-йоркский остров Лонг-Айленд остался далеко за горизонтом, долго не решался пригласить ее в бар, хотя девушка явно рассчитывала на это, мужественно выдерживая его пустословие и порывы холодного атлантического ветра.

И даже когда после бара она демонстративно не проявляла желания вернуться в свою каюту, Роберт все еще позорно мялся и что-то там, подобно влюбленному гимназисту, мямлил, пока Лилия не снизошла до спасительного круга в виде слов: «Я так понимаю, что вы ищете повода, чтобы познакомиться со мной поближе, сэр?».

Казалось бы, какой еще вопрос должна была подбросить Роберту эта привлекательная женщина, чтобы заставить его отказаться от своего гимназического блеяния? Но где-то там, в глубине то ли сознания, то ли интуиции, вновь, как чеку гранаты, рвануло какой-то морально-этический предохранитель, уже в который раз повергая тридцатипятилетнего доктора в состояние унижительной неуверенности, которой никогда раньше он, вроде бы, не страдал.

«Мы плывем на одном судне, – теряясь и явно оправдываясь, проговорил Роберт. – И поскольку впереди у нас много дней, и, как мне кажется, есть темы для общения...»

«Считаете, что дней действительно настолько много, что большую часть из них мы с вами должны проводить на продуваемой всеми ветрами и взглядами палубе этой «галеры»? – почти язвительно поинтересовалась Лилия, называвшая себя в то время Эльзой. – Какой же вы неувядаемый оптимист, доктор Брэд!».

Кстати, именно тогда Фройнштаг впервые употребила в разговоре его ученую степень, хотя, представляясь, Роберт ее не называл. Уже тогда это должно было основательно насторожить его.

«Что вы предлагаете?».

Рассмеялась Лилия, вроде бы, кротко, и тем не менее убийственно.

«Я задумала против вас целую диверсию, – молвила Фройнштаг, почти у самого лба стягивая концы мехового ворота своей куртки и опасно налегая на невысокие деревянные перила, окаймляющие шлюпочную палубу, словно бы ставила перед ним условие: или в каюту, или за борт. – Вот уже который час подряд я безуспешно пытаюсь подвести вас к совершенно неожиданной мысли: пригласить меня к себе в каюту».

«Вы действительно пытаетесь подвести меня к этой мысли?!»

«Мужайтесь, сэр! Я понимаю, что вам непросто будет решиться на подобный шаг, но обстоятельства, видите ли, обстоятельства...».

И опять, вместо того чтобы, воздав немке должное за догадливость и храбрость, сразу же галантно пригласить ее к себе, Брэд вдруг насторожился: «Что-то слишком легко эта красавица атакует твои сети, старый бродяга!». И тянул кота за хвост даже после того, как Фройнштаг без обиняков заверила его, что с венерическими болезнями она не дружит, а посему волноваться ему нечего.

Единственным оправданием его «непростительной осторожности» могло служить теперь только то, что в подсознании срабатывало ощущение навязчивости этого знакомства и всего того, что за ним может скрываться. И если исходить из сведений, которые только что открылись ему, то предчувствие действительно не обманывало: оказывается, письмо Германского общества полярных исследований было лишь формальной стороной операции по «похищению американского полярника Брэда».

Как он теперь понимает, в эти же дни за ним велась негласная слежка, во время которой германская служба безопасности пыталась выяснить, как он отнесется к приглашению ступить на борт полярного авианосца «Швабенланд». А главное, не будет ли агентами Разведывательного управления стратегической службы США предпринята попытка завербовать Полярного Паломника (эта кличка пристала к Брэду еще во время его первого арктического рейда в составе международной группы на канадский остров Элсмир из архипелага Королевы Елизаветы) и «забросить его на авианосец уже в качестве своего агента».

И хотя никакого подтверждения своих опасений германские развед-гонцы не получили, их шефам, очевидно, трудно будет поверить, что к этому вояжу известного полярника в Германию американские спецслужбы не проявили абсолютно никакого внимания. Поверить, а главное, смириться. И это – после всех контрразведывательных страстей, которые они у себя, в Главном управлении имперской безопасности, накаляли, узнав о намерении баронов Риттера и Готта пригласить к себе на борт американца. После всех предпринимаемых СД мер и после жестких указаний, последовавших от высшего руководства рейха, как только фюрер и Гиммлер ухватились за идею полярных баронов «американизировать» экспедицию.

Но в это время доктор Брэд еще не знал, да и не мог знать, что, отбросив «мелочные» научные претензии и амбиции полярников, Гитлер поставил две задачи, которые они должны были выполнить с военной неукоснительностью: выяснить, существуют ли в Антарктиде какие-то свидетельства того, что в глубинах ее обитает некая мифическая цивилизация Внутреннего Мира; и заявить дипломатические претензии на всю ту огромную часть континента, которую полярным летчикам удастся облетать, увековечить во множестве снимков и сразу же застолбить специальными металлическими вымпелами с гербом рейха.

Само собой разумеется, что тройка журналистов, которые уже были «приписаны» к «Швабенланду», должны были срочно передать сообщения об этом в германские, шведские и швейцарские газеты, которые они представляли.

Причем об исследованиях Внутреннего Мира и контактах с его обитателями американец вообще знать не должен был. Если же он каким-то образом станет обладателем такой информацией, то после возвращения в Германию и серии откорректированных цензурой интервью, заявлений для прессы и прочей рекламной суеты должен будет погибнуть в банальной автостраффе, выпасть за борт судна по пути в США или взорваться вместе с не вовремя взлетевшим самолетом.

Впрочем, об этой части «антарктического исхода» американского исследователя знали лишь немногие посвященные. Что же касается дипломатического захвата Новой Швабии, как планировалось назвать антарктический анклав рейха, то в этом деле, наоборот, участие известнейшего американского полярного исследователя было самым желаемым. Ему следовало предоставить возможность лично облететь какую-то прибрежную часть Новой Швабии, было бы очень хорошо, если бы на одном из снимков появилась трогательная сцена того, как доктор Брэд выбрасывает из самолета очередной вымпел. А еще лучше – устанавливает его на одном из арктических холмов.

Руководство рейха понимало, что его антарктические претензии вызовут бурную реакцию правительств многих стран, и причастность – скандальная причастность! – американцев к совместной операции кригсмарине, люфтваффе и Германского общества полярных исследований оказалась бы очень кстати.

...Однако все аналитические терзания полярника Лилией Фройнштаг остались то ли незамеченными, то ли попросту проигнорированными. Резкими, сильными движениями уложив Брэда рядом с собой, она по-кошачьи потерлась щекой о его живот, а еще после нескольких томительных для мужчины минут напряженного ожидания предалась усладам орального блаженства.

– Вы даже представить себе, Фройнштаг, не можете, какое это изысканное наслаждение, – едва слышно проговорил, почти простонал доктор Брэд.

– Зато прекрасно представляю себе, – на минутку прервала она дарованные блаженства, – сколько времени вы потеряли, избегая нашей «бермудской постели».

– Впервые мы оказались в ней действительно где-то в районе Бермудских островов, – и мысленно добавил: «О которых среди моряков ходит очень недобрая молва».

– Вы никогда не сумеете просить себе этого – вот в чем заключается моя месть!

– Но ведь искупать свою вину я смогу не только на борту этого лайнера? – с надеждой спросил он.

– Судя по всему, вам, доктор Брэд, предстоит вечное искупление, – с уверенностью настоятельницы монастыря, горестно покачала головой гауптшарфюрер СС.

– Я готов взвалить на себя этот голгофный крест.

– О-ля-ля, готовы ли! Глядя на поле боя со стороны, каждый мнит себя Наполеоном.

Однако предаваться суесловию Фройнштаг уже не стала, а жертвенность его одобрила стрекозиной пробежкой своих пальчиков по адамовому подреберью мужчины.

Брэду нравилась эта любовная игра, нравилось, как Лилия относится к ней, как говорит, как смеется, а главное, как мастерски она ласкает.

Он не знал, стоит ли называть то чувство, которое зарождалось в нем, любовью, поскольку вообще старался избегать всяких сантиментов, но что все сильнее привязывался к германке – это уже было не только очевидно, но и необратимо. Почти необратимо.

И теперь Брэду уже не хотелось, чтобы лайнер входил в русло Эльбы, или вообще когда-либо достигал германских берегов. Пока эта женщина оставалась рядом с ним, он готов был разделить судьбу еще одного «летучего голландца», превращаясь в члена его незримой, но бессмертной команды.

8

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика.

Море Скоша.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида»

Контр-адмирал все еще пребывал на вершине походного блаженства, когда вдруг ожил один из двух телефонных аппаратов, доселе мирно покоящихся в глубоких нишах мраморного столика, окаймленного высокими бортовыми планками.

Прежде чем вырвать трубку из латунных противоштормовых фиксаторов, Брэд проворчал проклятия в адрес адъютанта и всех тех, кому вздумалось тревожить его в такие минуты.

– Слушаю, – наконец произнес он, поняв, что на том конце провода слишком жадут услышать его голос.

– Прошу прощения, сэр, но, позволю себе заметить, айсберг опять активизировался, – донесся до него взволнованный голос кэптана Вордана.

– Что на этот раз? – недовольно спросил контр-адмирал. – Только учтите, что легенда об океанской воронке в расчет уже не принимается.

– Но это уже действительно смахивает на чертовщину. Он резко активизировался.

– Вы говорите об этом айсберге так, словно на нем произошло извержение вулкана.

– Поверьте, сэр, это не так удивило бы нас, как вам кажется. Он вновь пошел параллельным курсом. Все скопление айсбергов медленно дрейфует в северо-западном направлении, в сторону южного побережья Аргентины, а этот возвращается в Антарктиду.

– Причем оптический обман и массовые галлюцинации исключаются.

– О причудах «Ледового Титаника» сообщают командиры «Галифакса» и «Сан-Антонио», а также арьергардного линкора «Колорадо». В то же время северо-западнее арьергардного эсминца «Ягуар» вновь всплыла германо-аргентинская субмарина. Хотел бы я знать, кто же это все-таки крысятничает: германцы или уже аргентинцы?

– Субмарина нас пока что не интересует. С ней все ясно, – запрокинув голову на прорезиненную подушечку, Брэд с ужасом подумал, что сейчас ему придется оставить эту теплую ванну с океанской водой. Только не это! Да и какая разница, где он будет находиться сейчас: в ванной или на командном пункте, рядом с Ворданом и полковником разведки Ричмондом. – Как там айсберг, все еще движется?

– Почти с той же скоростью, с которой движемся мы, сэр. Помнится, вы говорили о ледовом авианосце, слепленном по проекту некоего британского инженера...

– Джеффри Пайка. Опытный образец ледового авианосца «Аввакум», построенный и испытанный на канадском озере Patricia Lake.

– Так не он ли испытывает сейчас наши нервы и терпение?

– Тот погиб под артиллерийскими залпами учебных стрельб и торпедами учебных пусков.

– И это произошло на ваших глазах?

Роберт Брэд поколебался. Он понял, к чему клонит Вордан, но возразить ему было нечего.

– Добивали его, естественно, уже без меня. К началу испытаний было ясно, что строительство подобных ледяных «Титаников» представляется слишком дорогим и неперспективным, и по этой причине от него попросту отказались. Так что мое слово решающим стать уже не могло. Да оно и не прозвучало бы.

– Может, тогда, в сорок третьем, от проекта действительно отказались. Но в конечном итоге вышло так, что отказались от строительства ледяной флотилии союзников, но не от самой идеи, которую за прошедшие годы можно было основательно выверить и модернизировать.

– С сорок третьего – да, можно было. Во всяком случае, иного объяснения пока что не существует, – признал контр-адмирал, делая несколько глотков из карманной коньячной фляги, заблаговременно пристроенной на подвесной мыльнице.

Они оба помолчали, и Брэд подумал, что, пожалуй, полковник разведки был прав: о странном айсберге следовало сразу же доложить в штаб флота и в офис генерала Доновэна. И потом, интересно, знают ли об этом «антарктическом голландце» в Международном ледовом патруле? Вряд ли. А если бы и узнали. Что они способны изменить?

– Скорее всего, это проделки англичан, – нарушил молчание командир авианосца. – Они ревниво следили за тем, как мы готовились к этому рейду.

– Согласен, канадцы вряд ли решились бы накалять страсти по такому пустяшному поводу, как рейд в Антарктиду Полярной эскадры американцев. У них там своя неисследованная «Антарктида» в виде Баффиновой Земли, Элсмира, Виктории и целого архипелага островов Королевы Елизаветы.

– Англичане или норвежцы, – неожиданно пошатнулся в своей уверенности Николас Вордан. – Вспомните: как только германцы уведомили мир о своих видах на «застолбленную» ими Новую Швабию, норвежцы тотчас же официально объявили эту территорию своей, чем-то вроде антарктической колонии.

– Причем «норвежский след» в данном случае выглядит убедительнее, – вновь припал к фляге контр-адмирал. – Свяжитесь со штабом флота и попросите их сделать запрос в «Регистр Ллойда» и страховую компанию «Лондонский Ллойд»²⁴, вдруг у них есть какие-то сведения об «Аввакуме» или о любом другом судне-айсберге какой-либо страны.

– О судне-айсберге? Вряд ли... – начал было кэптен, однако адмирал мгновенно прервал его.

– Понимаю, что шансов мало, что, скорее всего, мы имеем дело с некоей секретной разработкой, и все же. Хотя бы для удовлетворения профессионального любопытства.

– Сейчас же прикажу связаться, сэр.

Они несколько мгновений помолчали, прежде чем Брэд вновь поинтересовался, как ведет себя «Ледовый Титаник».

– Без изменений, – последовал ответ Вордана, успевшего отдать распоряжение относительно «Регистра Ллойда».

– Продолжайте внимательно следить за его маневрами. Прикажите сделать как можно больше снимков, и пусть гляциологи засвидетельствуют его движения на киноплёнке.

– Будет выполнено, сэр. Прекрасная мысль: предоставим эту загадку нашим гляциологам.

Услышав это, Брэд снисходительно ухмыльнулся: Вордан явно лукавил. Уж он-то, старый военный моряк, прекрасно понимал, что появление в море Скоша «Ледового Титаника» – это проблема не гляциологии.

– Они должны быть в курсе. Но не более того. – Адмирал хорошо помнил, как мало толку было тогда, в Канаде, и от гляциологов, и от него, исследователя-полярника, когда начались испытания судна-айсберга «Аввакум». – Не следует требовать от этих двоих ученых мужей разгадки того, что не подвластно их знаниям и опыту.

– Может, вновь поднять в воздух разведывательное звено первого лейтенанта Робертса, сэр?

²⁴ «Регистр Ллойда» – лондонская техническая ассоциация, ведающая классификацией судов и контролирующая правильность их построения и пригодность к плаванию. Выдает сертификаты качества. «Лондонский Ллойд» – страховая компания. Основана в Лондоне в 1688 году. Названа по имени владельца кофейни Эдварда Ллойда, в которой любили собираться судовладельцы и морские торговцы.

– Мы с вами уже знаем, что именно он сообщит. А вот в отряде бомбардировщиков боевую готовность объявить надо. И высшую степень готовности, с боезапасом на борту.

– В самом деле, пусть наши бомбардировщики и штурмовики поупражняются? Парни давно роют копытами землю. Впрочем, как и субмаринники командера Гриффина.

– Торпеды субмаринников нам еще могут пригодиться. Что говорят радисты? Что происходит в эфире?

– Была перехвачена шифровка, переданная радистом германо-аргентинской субмарины, которую мои парни уже прозвали «Мулаткой». Текст пока не расшифрован. А вот что касается «Ледового Титаника», то вокруг него полное радиомолчание. Простите, сэр, – вдруг прервал свой доклад Вордан, – там опять что-то происходит.

– Что там еще, дьявол бы вас побрал?!

Прошло несколько тягостных минут молчания, прежде чем вновь послышался голос кэптена:

– Сэр, «Ледовый Титаник» увеличивает скорость и нацеливается прямо на линкор «Сан-Антонио»!

– Бред какой-то! – взорвался адмирал. – Нет-нет, кэптен, к вам это не относится, – тотчас же уточнил он.

– Мы, конечно, можем уйти от этого дьявольского наваждения, – Вордан прекрасно понимал его состояние, – но теперь уже нет сомнения, что эта безмозглая глыба льда кем-то и каким-то образом управляется.

– Хотелось бы знать: кем и каким образом? Неужели проект «Аввакум» нашел свое воплощение в этом айсберге?

– «Аввакум» или какой-то иной, но нашел, сэр.

– Увеличивайте скорость, и одновременно – залп из орудий главного калибра всех левофланговых линкоров, а также из орудий авианосца. Цельтесь в центр правого борта, удар должен быть предельно массивным и мощным.

– Они не оставили нам иного выбора, разве не так, сэр?

– Решение принято, и приказ вы слышали, – холодно напомнил ему контр-адмирал, давая понять, что не нуждается в его, кэптена Вордана, оценках и оправданиях.

– Может, еще попытаться растропить его торпедой «Томагавк»?

– Это позволительно. Пройдитесь по нему еще и торпедой из аппарата крейсера «Томагавк». Увидим, понравится ли это вашей глыбе льда. Кстати, все, что сейчас происходит в районе пребывания эскадры, должно быть тщательнейшим образом отображено в вашем бортовом журнале.

– Со всеми возможными подробностями и эмоциями, сэр.

Адмирал уже вальяжно обронил свое «окей», но сразу же спохватился:

– Только без излишних, – нажал он на слове «излишних», – эмоций, кэптен. Вряд ли они помогут выяснению истинных обстоятельств.

9

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика.

Море Скоша.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида»

Вновь откинувшись на приятно пахнущую мылом прорезиненную подушку, Брэд взглянул на настенные часы. Залп должен был прогреметь не позднее чем через три минуты, сказал он себе, иначе, что это за артиллеристы и чего стоит их боевая выучка?

Вода все еще была достаточно теплой, чтобы, находясь в ней, на какое-то время забыть об айсбергах, скопившихся в районе пребывания эскадры, и о том «ледяном безмолвии», которое ждет его впереди, у берегов все еще таинственной Антарктиды. Как раз тогда, когда, блаженственно закрыв глаза, Брэд как можно глубже погрузился в ванну, ему вдруг вспомнилась та немка, с которой в тридцать восьмом пересекал Атлантику на лайнере «Саксония». Не должна была бы, явно не ко времени... Но, очевидно, теплая морская купель посреди ледяного океана располагала и к таким экскурсам в собственное прошлое...

Единственное, о чем Брэд мог пожалеть, вспоминая дни, проведенные на борту этого трансокеанского «аристократа», так это о том, что на нем он не смог стать обладателем такой вот прекрасной ванны. Впрочем, так ли уж и нужна была она на «Саксонии»? Насколько ему помнится, они с Фройнштаг вполне обходились скромной, слишком узкой для двоих, даже влюбленных, лежанкой.

Во время этого перехода, связанного с готовящейся германской экспедицией в Антарктику, у Полярного Паломника тоже возникла тайна, правда, не столь угрожающая, – появление на судне этой прекрасной германки: романтической, загадочной, потрясаяще сыгравшей свою роль. Вот именно, вздохнул он, всего лишь «сыгравшей роль» – такое определение будет самым справедливым.

Роберт так и не понял, была ли тогда Фройнштаг хоть немножечко влюблена или хотя бы увлечена им. Киноактриса Николь Верден, которой Брэд увлекся незадолго до того, как узнал о рейде в Антарктиду, как-то призналась ему: «Мне не удастся роль, если я хоть немножечко не увлечена своим партнером или режиссером».

Странно, что теперь в его сексуальных бреднях возникла не американская актриса Николь из недавних походов, а гауптшарфюрер СС Лилия Фройнштаг из далекого тридцать восьмого.

«Это потому, – объяснил себе адмирал, – что тебе есть о чем вспомнить из того далекого тридцать восьмого. Нет, в постели Николь тоже не выглядела сторонницей платонических вздохов, и все же роль «любовницы адмирала Брэда» оказалась не лучшей в ее личном репертуаре. А еще потому, что сам ты оказался слишком плохим постельным актером и эта голливудка попросту не почувствовала в тебе партнера, – не стал щадить себя Полярный Паломник. – Иное дело, что по красоте и изысканности поведения она, конечно же, переигрывала Фройнштаг».

Адмирал открыл глаза и взглянул на часы. Отведенные им корабельным артиллеристам три минуты еще не прошли. Но он представил себе, с каким напряжением они расчехляют и заряжают сейчас громадные орудия, которые уже наведены стволами на цель.

«А что будет, если судно-айсберг каким-то образом ответит ударом на удар?! – вдруг спросил себя командующий эскадрой, вспомнив, что ведь фактор ответного удара он так и не учел. – Почему? – жестко поинтересовался он. – Только потому, что тебе как командующему не дали возможность заглянуть в ствол вражеского орудия? А ведь у судна-айсберга, у корабля такого класса может оказаться оружие грознее, нежели стволы твоих главных калибров. Но

не собираешься же ты отменять приказ? – вьедливо спросил Брэд некстати проснувшегося в нем флотоводца. – Значит, положишься на волю судьбы и дай возможность морякам заниматься тем, чем они призваны заниматься по самой своей природе. А поскольку изменить ты уже ничего не можешь, лучше вернись в грезы тридцать восьмого».

Даже после того, как Брэду со всей убийственной откровенностью открылось, что гаупт-шарфюрер СС Лилию Фройнштаг самым наглым образом подсунули ему в виде сексуальной приманки, отношение с его стороны ничуть не изменилось. Не ему знать, какой Лилия Фройнштаг представляла где-то там, в Берлине, в лике агента СД, но что в постели она оставалась бесподобной, – в этом у него была возможность убедиться лично.

– Командир авианосца интересуется, находитесь ли вы все еще в ванной, – просунул голову в проем двери адъютант, который так и не сумел избавиться от детской привычки заглядывать вот так, в дверную щель, без разрешения и доклада.

– Один раз в жизни можете сказать ему правду, – разрешил командующий эскадрой. – Снизойдите до его любопытства. Уверен, кэптен будет приятно тронут.

– Ему – только один раз в жизни, сэр, – охотно принял правила игры адъютант. Ему льстило, что время от времени адмирал создает какую-то маленькую тайну на двоих. А главное, ему это нравилось быть союзником своего адмирала.

– Кстати, вы не выяснили, зачем ему это понадобилось?

– Возможно, кэптен удивлен тем, что, выслушав его доклад, вы не бросились на командный пункт.

– Какого же вы плохого мнения обо мне, Шербрук! Вам это непростительно.

– Не я, а кэптен Вордан, – напомнил адъютант, прежде чем исчезнуть за дверью.

Контр-адмирал понимал, что кэптен имел право осуждать его за нежелание покинуть ванну даже в такие минуты океанской чертовщины, однако решил, что в этом его пренебрежении к опасности есть что-то бонапартистское. И было бы слишком банально – прерывать свое купельное блаженство из-за какого-то осколка льда, пусть даже и ведущего себя со всеми возможными в этом мире странностями.

Он услышал залп только орудий авианосца и ощутил, как огромное судно содрогнулось всем своим мощным корпусом. Взглянул на часы: артиллеристы старались уложиться в назначенный им норматив.

Телефон молчал, и Брэд тоже молчал, никаких докладов ни от кого не требуя. Он ждал. Стоически ждал.

Лишь когда он выбрался из ванны и, укутавшись в халат, принялся тщательно высушивать полотенцем седеющие волосы, в трубке наконец проявился сипловатый голос командира авианосца.

– Мы остановили его, сэр.

– Остановили или разнесли в клочья?

– Всего лишь остановили.

– Надолго ли?

– Не могу знать, сэр.

Главное, что судно-айсберг не ответило огнем на огонь или каким-то иным образом, мысленно поблагодарил Господа адмирал. Странно, что кэптен не понимает, на какой грани риска оказалась вся их эскадра, прибегая к этому артралету.

– Какова степень разрушений судна-айсберга?

– Нам не удалось расколоть его хотя бы на две части, сэр.

– Это я уже уловил.

– То ли артиллеристы не сумели достичь нужной кучности, то ли наши снаряды и торпеда оказались не того калибра и той мощности, чтобы прекратить его существование. Да, подолбили мы его основательно, но не настолько, чтобы праздновать победу.

– Значит, владельцы этого «Титаника» все же воспользовались изобретением Джеффри Пайка, – Брэд попытался вспомнить, как Пайк назвал изобретенный им лед, но так и не смог.

– Насколько мне помнится, инженер этот являлся англичанином.

– Англичанином, да. И лед свой Джеффри амбициозно именовал «пайкритом», увековечивая в нем свою фамилию.

– Предполагаю, что джентльмены из Ливерпуля или Плимута вморозили в этот айсберг одно из военных судов, возможно, какой-то старый ледокол, и, зная о нашем рейде, решили испытать свой «Ледяной Титаник» в действии.

– Провоцируя нас на артиллерийскую атаку?

– Экономя при этом собственные снаряды и приближая конфликт к реальной, почти военной ситуации.

– Правдоподобная версия. На ней мы и остановимся в своих официальных отчетах.

– А может, ударить по нему еще двумя залпами?

– Какой в этом смысл?

– Иначе уйдем из этого района, так и не разгадав загадки «Ледяного Титаника», сэр.

– Официальная версия у нас уже есть, она вполне приемлема, так что об инциденте уже можно забыть.

– Не для отчета, для себя – разгадать, – уточнил Вордан.

Брэд побряхтел и, не кладя трубки, свободной рукой взялся за карманную флягу.

– Утешайте себя тем, кэптен, что это не последняя загадка, с которой нам придется столкнуться в водах Антарктики.

– Если так пойдет и дальше, то не сомневаюсь...

– Их будет множество, – опустился командующий эскадрой в глубокое кожаное кресло.

– Следует предполагать, сэр.

Ванная каюта была меблирована таким образом, чтобы обладатель ее не торопился оставлять стены своей купели. Кресло, столик, картина – с видом на какой-то экзотический островок при неизменных пальмах, пирогах и индейских хижинах... Сама обстановка этого вполне мирного и достаточно цивилизованного уголка позволяла забыть, на каком судне ты находишься и какие тонны смертоносного груза таятся за стенками каюты, особенно в трюмах этого океанского гиганта.

– Их, этих тайн, еще будет немало, кэптен, да только вряд ли нам удастся разгадать хотя бы одну из них.

– Именно поэтому я и предлагаю развернуть эскадру, охватить айсберг – «Титаник» полукругом и дать ему настоящий бой.

– Убежденно рассчитывая, что в ответ не прозвучит ни одного выстрела?

– Но ведь пока что не прозвучало, сэр. Не спорю, каким-то оружием эта ледяная гробница все же должна обладать. Вопрос: каким именно?

– Мы не станем терять времени на стычки с айсбергами, которые неминуемо превратятся в «войну с ветряными мельницами», – назидательно произнес Брэд. – Я и так уже становлюсь суеверным. А мне бы этого не хотелось, я им никогда не был. С какой скоростью мы идем?

– Все еще девять узлов, сэр.

– Это что за скорость такая, кэптен?

– Как утверждают пушкары, самая удобная для прицельной стрельбы.

– Передайте по эскадре: «Увеличить до двенадцати». Уходим на всех парах. Вахтенным на авангардном крейсере «Томагавк» максимально усилить бдительность.

Как только контр-адмирал вернулся в свою каюту, с ним по внутренней связи сразу же связался адъютант:

– К вам пытаются прорваться журналисты, сэр.

– Они уже знают о странностях поведения «Ледяного Титаника»?

– Нет, сэр.

– Не может такого быть!

– Все это время они ужинали и обживали каюты. Правда, подозреваю, что проныра-журналистка уже кое о чем догадывается, кое-что пронюхала. Смазливая. Такой нетрудно налаживать отношения и обрести собственную агентурой.

– Среди журналистов есть и женщина?! – удивился адмирал. – В списке значились только мужчины.

– Она появилась в последние минуты. По-моему, кэптен даже немного знаком с ней.

– Вот оно что!

– По крайней мере, мне так показалось. Но дело сейчас не в ней. В виде стюарда к журналистам приставлен один из парней полковника разведки, который по мере возможности следит, чтобы гости авианосца не забивали себе головы ненужной информацией.

– Тогда что их привело ко мне?

– Интересуются, почему прозвучали выстрелы.

– И вы не знаете, как эти выстрелы объяснить?! Вас и этому учить надо, лейтенант-командер? Обычная учебная тревога. Обычная, учебная, – почти по слогам повторил адмирал. – И напомните журналистам, что они находятся на флагмане военной эскадры, а не на торговой барже.

10

Ноябрь 1938 года. Германия.

Гамбургский порт.

Отель «Фрегаттен-капитан»

Об этом отеле адмирал Брэд всегда вспоминал с каким-то смешанным чувством.

Барон Людвиг фон Риттер сразу же предложил ему поселиться на «Швабенланде», где его ждала отдельная каюта, и был удивлен, что американский исследователь, которого он так ждал, отказался заранее обживать свою каюту, предпочитая тратиться на отель.

Руководитель экспедиции словно бы предчувствовал, что само появление здесь известного заокеанского исследователя еще ни о чем не говорит. Мало того, прежде чем судно причалило к гамбургской пристани, Фройнштаг прозрачно намекнула Брэду: не все в окружении Странствующего Бездельника довольны, что в столь важную для рейха экспедицию ее начальник пытался вовлечь американца. Правда, тогда полярник не придавал этому значения, но потом...

Во «Фрегаттен-капитане» он тоже поначалу решил поселиться только для того, чтобы свободно можно было встречаться с Фройнштаг. Однако вечером на встречу с ним Лилия не пришла. А наутро, когда Брэд вернулся из отельного ресторанчика, у портье его ждала записка, в которой корявым, почти детским почерком было начертано: «Внимательно смотрите и старательно думайте. Сейчас в Гамбурге часто меняются ветры. Осенний лов может оказаться слишком рискованным. Питер».

– И кто передал эту записку? – поинтересовался он у хромого портье, который, как он уже знал, в недалеком прошлом служил боцманом на тральщике.

– Портовый босяк. Сказал, что от того рыбака, с которым вы собирались идти на рыбалку.

– Осторожные тут у вас рыбаки, – проворчал доктор Брэд, прекрасно понимая, что автором этой записки может стать только один человек – Лилия Фройнштаг. Вот только не слишком ли она переусердствовала в своей конспирации?

– Единственное занятие, при котором в Германии еще можно хоть как-то побережься – это рыбалка, – грустно взглянул на него боцман-портье.

Что же касается истинной причины экспедиции, то она открылась Брэду уже на следующий день, когда фон Риттер решил провести проверку готовности своей, лишь недавно сформированной, команды.

Трех часов, проведенных Робертом на «Швабенланде», оказалось вполне достаточно, чтобы определить: добрая половина людей, с которыми он должен был идти через Атлантику, моряками никогда не была. Выправка большинства сразу же выдавала в них неплохо вымуштрованных военных. К тому же Брэд слышал, как один из лже-матросов, обращаясь к другому, назвал его «шарфюрером», то есть унтер-фельдфебелем СС; и как кто-то из настоящих моряков посетовал: «Вместо того, чтобы забивать трюмы оружием, лучше бы эти эсэсманы позаботились о запасах еды, а то ведь потом придется пожирать акул!».

Не подозревая, в чем заключается смысл «глубинного знакомства с судном», о котором говорил американец, барон фон Риттер предоставил ему полную свободу передвижения. И в этом была его ошибка. Возвращаясь под вечер к себе в отель, доктор Брэд уже прекрасно понимал, что ни о какой исследовательской экспедиции речь не идет. На самом деле его хотят втянуть в задуманную руководством СС военную авантюру, у которой может быть только две цели: создание в Антарктиде германской военно-морской базы и превращение части территории этого континента в территорию Третьего рейха.

О затейной Фройнштаг конспирации он тоже вспомнил сразу же, как только заметил, что от судна до отеля его сопровождает какой-то тип в низко нахлобученной шляпе и в давно

неутюженным плаще. Этого же типа он видел и утром, когда тот околачивался возле «Фрегаттен-капитана», просто тогда он не придавал этому значения.

Когда вечером он сообщил об этом своем открытии барону фон Риттеру, тот снисходительно улыбнулся.

– Американцам трудно привыкать к некоторым реалиям нашей жизни, доктор Брэд. Но ведь прибыли вы сюда не для того, чтобы оценивать уровень демократии в Германии, а чтобы уйти от ее берегов к великой славе исследователя Антарктиды. Вот и следуйте к этой цели.

Они сидели в старинном, просторном ресторане «Саксония», расположенном рядом со штабом танковой дивизией, который в обиходе так и называли «штабным», и который давно облюбовали старшие офицеры гарнизона.

– Понимаю, что далеко не все в этой экспедиции зависит от вас, барон...

– Далеко не все, – согласно кивнул барон. Он был облачен в мундир флотского офицера, и девицы, которые ожидали своих «генералов на вечер» за соседним столиком, бросали на него взгляды, преисполненные любопытства, совершенно не обращая при этом внимания на сидевшего напротив него гражданского. Похоже, что гражданских как мужчин здесь вообще не воспринимали.

– И все же позволю себе заметить, что ваш «Швабенланд» слишком мало похож на научно-исследовательское судно, а эсэсовцев, которыми вы укомплектовали добрую половину своей команды, трудно воспринимать в роли полярных исследователей.

Первое, на что Брэд обратил внимание, как задрожал в руке фон Риттера бокал с вином. Поставив его, барон навалился грудью на стол, и лицо его апоплексически побагровело.

– Я так понимаю, что от участия в экспедиции вы решили отказаться? – сурово спросил он, испепеляюще глядя на Брэда.

– По правде говоря, к такому выводу я еще не пришел, однако хотел бы, чтобы между нами была абсолютная ясность.

– Вы уже добились этой «ясности», – фон Риттер беспардонно высморкался прямо в ресторанный салфетку. Обнаружив это, он расстроился еще больше. – Если вы хотите вернуться в свои Штаты героем, который, развенчивая участие германских нацистов в экспедиции в Антарктиду, отказался от нее, то вы жестоко просчитаетесь. Кстати, перед вами тоже нацист. И даже член СС. Так что вы уже просчитались.

– Что вы имеете в виду? – почти по слогам спросил доктор Брэд, явно уловив в словах барона скрытую угрозу.

Барон вспомнил о бокале, решительно опустошил его и вновь наполнил. Брэд понимал, что лучше всего было бы тотчас же оставить этот ресторан и поговорить с бароном где-нибудь на свежем воздухе. Или хотя бы просто помолчать, но вне этого зала. Однако и в этом случае заказывал музыку не он.

– Вы прибыли сюда для участия в экспедиции барона фон Риттера? Так? – Несмотря на выдержанную бароном длительную паузу речь его не стала ни спокойнее, ни деликатнее в выражениях. Наоборот, она стала осмысленнее, а потому еще более угрожающей. – Замечу, что вы сами раструбили об этом в нескольких интервью перед посадкой на судно. У меня есть сообщение из посольства Германии в Штатах.

– Не отрицаю, какие-то интервью должны были появиться, правда, я их пока что не видел.

– Зато я видел! И не только я. Поэтому требую, чтобы вы сдержали свое слово и отправились со мной в Антарктиду. И, если только вы человек слова, а не политический интриган, вы пройдете этот путь к глубинам Антарктиды и к вершинам славы вместе со мной! Или к бездне гибели – возможно и такое. Но тоже вместе со мной. И до конца.

– Видите ли, барон, я уже говорил вам, что, отправляясь сюда, я сказал себе: сначала следует осмотреться, а уж затем принимать окончательное решение, – напомнил он начальнику экспедиции.

– До отхода судна осталось семь дней. Я не могу допустить, чтобы вы охаивали мою экспедицию где-нибудь за пределами Германии, скажем, в Дании или Швеции, не говоря уже о США.

– Вчера меня уже атаковали иностранные журналисты, однако я не сказал ничего такого...

– Потому что опасаетесь. Здесь пока что опасаетесь. Я же веду речь о вашем поведении за рубежами Германии. В некоторых спецслужбах меня и так обвиняют, что я слишком необдуманно пригласил в экспедицию американца.

– Мне так не показалось, – слова барона задели Брэда за живое. – За этим приглашением стоял трезвый расчет. Причем не только ваш, личный.

– Да, и расчет – тоже. Поймите вы, – еще ниже наклонился к столу фон Риттер, – для меня очень важно осуществить эту экспедицию. Когда еще и в какой стране государство брало на себя организацию подобных экспедиций, с таким мощным техническим оснащением и такими финансовыми затратами? У нас будет даже гидросамолет с фото- и кинокамерами. Это вам не санки тащить, с лямкой на собственном плече. И я не позволю...

Барон вновь взялся за салфетку, но вовремя остановился, достал носовой платок, извинился, объяснив, что всякий раз, когда он волнуется, у него появляется аллергический насморк, и потребовал официанта со счетом.

Когда барон сухо попрощался с Брэдом, тот понял, что испорчен не только этот скромный ужин в ресторане. Испорчены, причем основательно, отношения с этим известным и влиятельным человеком.

Еще три дня доктор Брэд прожил в отеле «Фрегаттен-капитан», словно в вакууме: никто им не интересовался, никто за ним не следил, никто из участников экспедиции не объявлялся. Фройнштаг, Риттер и его помощник, организатор экспедиции барон фон Готт, словно бы испарились. У него по-прежнему сохранялся пропуск на «Швабенланд», но Брэд наведался туда только однажды, и впечатление у него было такое, будто он случайно забрел на незнакомое судно, где до него никому нет дела.

Однако на четвертые сутки вновь все резко изменилось. Появилась слежка, откуда-то возникла у отеля целая стайка германских и иностранных журналистов. Фон Риттер и фон Готт вдвоем встретили его на судне у трапа – очевидно, им по телефону сообщили о появлении американца из портовой проходной – и, мило беседуя, провели к каюте, вежливо извинившись при этом за тесноту и скромность обстановки.

– Адаптацию к полярным условиям настоящий исследователь должен начинать с каюты, – вежливо простил их доктор Брэд.

Почти весь этот день он провел на судне. Внешне там мало что изменилось, разве что команда стала еще военизованнее да значительно больше появилось портретов фюрера, как, впрочем, и носителей его идеологии. Но теперь это уже никто не пытался скрыть от американца. Перед ним открывались любые двери, ему, не опасаясь, давали любые объяснения.

Зато при выходе с судна гауптштурмфюрер СС проверял пропуск и американский паспорт Брэда с такой же тщательностью, как и во время подъема на его борт.

– Почему вы решили сойти на берег? – жестко спросил он, так и не найдя причины, по которой мог бы признать эти документы недействительными.

– Потому что мне надоело находиться в консервной банке под названием «Швабенланд», – ответил Брэд так, как и должен был ответить истинный американец, твердо зная свои права и не привыкший к тому, чтобы эти права ущемляли. Однако такой ответ был бы верно воспринят где-нибудь в США, но не в нацистской Германии.

– Тем более, – невозмутимо произнес гауптштурмфюрер. И тут же напомнил: – Вы так и не ответили на мой вопрос: «Почему вы оставляете судно?»

– Потому что живу в отеле.

– Тем более. Но вы так и не ответили на мой вопрос: «Почему вы до сих пор живете в отеле?».

Брэд похмельно покачал головой: этот парень начинал ему нравиться.

– Потому что номер в отеле устраивает меня больше, нежели каютка бывшего почтового судна, которое еще сто раз успеет мне надоесть.

– Тем более, – оставался верен своей манере ведения беседы гауптштурмфюрер, и ничто не способно было выбить его из седла. – Утром вы должны прибыть на судно со всеми своими вещами и впредь не покидать его без особого разрешения службы безопасности экспедиции и местного отделения гестапо. Кстати, вам известно, что такое гестапо?

– Известно, – поспешил заверить его Брэд, пытаясь поскорее закончить с этой формальностью.

– Тем более. Потому что вы еще не знаете, что такое в действительности наше гестапо. Даже далеко не все германцы пока что знают, что это такое. Так что прошу завтра с вещами – на судно.

– Простите, но это противоречит моим желаниям! – попробовал возмутиться Брэд.

– Тем более! – нервно рассмеялся офицер.

– Я – гражданин США, свободной демократической страны.

– Именно поэтому я и сказал: «Тем более!» – буквально прорычал гауптштурмфюрер, помахивая перед носом у Брэда его пропуском и паспортом.

И в какую-то минуту американец вдруг с ужасом подумал, что эсэсовец в раздумьи: стоит ли отдавать ему документы или же оставить их у себя, а заокеанского демократа вернуть на борт.

– Я должен воспринимать это ваше требование как домашний арест?

– Если бы это был арест, – вдруг улыбнулся эсэсовец, произнося столь милое его сердцу слово, – то какого дьявола я тратил бы на вас столько времени, а главное, столько драгоценных слов?! Но теперь уж тем более, завтра быть на судне. С вещами. Весь состав экспедиции переходит на казарменное, или, как его в данном случае следует называть, положение.

– На казарменное, – доктор Брэд буквально вырвал у него из рук свои документы. – Точнее не скажешь.

От проходной до отеля «Фрегаттен-капитан» пролегалo все три квартала, поэтому машину Брэд никогда не вызывал, предпочитая идти пешком. Точно так же поступил он и на сей раз. Вот только агентов гестапо теперь было сразу...трое. Причем двое провожали его совершенно открыто и нагло. А третий – рыжеволосая бедрастая девица лет двадцати пяти следовала чуть позади, по противоположной стороне улицы.

Брэд, возможно, не воспринял бы ее как агентку, если бы вскоре она не засветилась еще раз, уже в ресторане. Но это произошло чуть попозже, а пока что в фойе отеля у Брэда состоялся еще один короткий, с недомолвками, разговор с боцманом-портье.

– Значит, завтра вы от нас съезжаете, господин Брэд? – как бы между прочим, произнес он, осматривая стенд с ключами от номеров.

– Кто вам об этом сказал? – удивился полярник.

– Не сказал, а официально уведомил. И дело тут не в имени и чине. Главное, что вы наконец решились идти в экспедицию на борту «Швабенланда».

– В Антарктиду попасть не так-то просто, – словно бы оправдывался перед ним Брэд. – Туда не каждый день отправляются такие суда.

Боцман-портье украдкой взглянул на оставшихся за дверью гестаповцев и едва слышно проговорил:

– Теперь вам уже следует думать не о том, как попасть в Антарктиду, а как из нее вернуться. Ибо во льдах всякое случается. – Они мельком встретились взглядами, и, протягивая ему ключ, боцман-портье продолжил: – В ресторане вам бросится в глаза рыжеволосая ирланд-

ская аристократка. Доверьтесь ей. Она все объяснит. Спускаясь в ресторан, соберите свои вещи и оставьте их в номере у самой двери.

– Поднимаясь по широкой извилистой лестнице, Брэд видел, как один из агентов метнулся к боцману-портюге, чтобы выяснить, о чем тот беседовал с иностранцем.

– Моряки всегда найдут о чем поговорить, – неоправданно громко ответил хромоногий отставной боцман, явно рассчитывая на то, что будет услышан Брэдом.

Теперь Роберт уже не сомневался, что ему нужно следовать указаниям боцмана. Быстро собрав в чемодан свои пожитки (а путешествовать он привык налегке, и теплую одежду ему выдали из запасов экспедиции, она уже висела у него в каюте), Брэд бросил сверху на него свое пальто и, прихватив лишь папку с дневником и прочими бумагами, спустился в ресторан. Агентов в фойе не было, очевидно, они решили перекусить в кафе напротив, откуда легко можно было держать под наблюдением выход из отеля. Да и вряд ли они предполагали, что американец решится бежать из «Фрегаттен-капитана». Куда ему теперь деваться?

Аристократку он приметил сразу же. Это была та же девица, которая сопровождала его от порта до отеля. На аристократку она, конечно, смахивала мало, и гестаповцы, скорее всего, приняли ее за обычную портовую проститутку.

Брэд сразу же направился к ее столику, но, заметив, как она медленно, но решительно покачала головой, уселся за столик от нее. Как только он допил свой кофе с коньяком и рассчитался, рыжеволосая встретила с ним взглядом, призывно улыбнулась и направилась в сторону того закутка зала, который был отгорожен ширмой и в котором начинались два коридора: один вел на кухню, а другой – к туалетным комнатам и в подсобные помещения.

Несмотря на то, что у входа в «туалетный» коридор околачивался какой-то джентльмен, девица прямо у ширмы бросилась Брэду на шею.

– Как я рада нашей встрече, милый, – нежно молвила она, просовывая ему что-то в боковой карман пиджака. И тотчас же прошептала на ухо. – Там билет на судно, идущее до Дублина, и записка без подписи, но сотворенная женским почерком. Господин, который сейчас так завидует вам, выведет вас через черный ход во внутренний двор, – ворковала она, – где вас будет ждать машина. Ваши вещи уже там.

– Думаете, что при подъеме на судно меня не задержат?

– Оно стоит не в военной гавани, куда поставили «Швабенланд», и потом, вы находитесь под опекой некоей госпожи Фройнштаг, с которой лично я, к сожалению, не знакома, а значит, и под защитой СД, то есть службы безопасности СС. У них там из-за вас возникла какая-то драчка с гестапо, но, полагаю, вас это уже не касается. К тому же они постоянно из-за чего-то соперничают, это известно многим.

– А вы?

– Не обольщайтесь, доктор Брэд, каюта на двоих со мной вам не светит, – все так же мило улыбнулась она. – И вообще, я всего лишь играю роль агента, выполняя мелкое поручение своего дядюшки, тоже сотрудника СД.

– В таком случае вы гениальная актриса.

– Попробуйте убедить в этом режиссера хотя бы одного из германских театров.

– Но почему меня отправляют в Ирландию? – едва слышно спросил Брэд, когда объятия агентурной актрисы совершенно ослабли.

– Дело не в Ирландии. Дублин – всего лишь случайность. Ближайшее судно. По замыслу барона фон Риттера, в течение всей экспедиции ваше имя использовали бы как прикрытие, а затем избавились бы от вас, поскольку ваше возвращение в Германию, а уж тем более – в США, ими не предусматривалось.

– И давно фон Риттер так решил?

– После того, как узнал, что вы возмущены причастием к экспедиции эсэсовцев. Тогда он перестал доверять вам и долго решал, как с вами поступать: сразу подставить вас какому-

то наемному убийце, с миром отпустить в США или сначала заставить вас дойти до Антарктиды, а уж затем... Однако об этом вы уже знаете. Вот только фон Риттер не учел мнения Фройнштаг, и того, что в СД есть люди, которые смотрят на всю эту историю несколько иначе. Они считают, что не стоит завершать столь важную экспедицию международным скандалом, который совершенно не нужен сейчас ни фюреру, ни Герингу, под попечительством которого идет подготовка к антарктическому походу.

– Теперь многое проясняется, – благодарно произнес доктор Брэд.

– А что касается вас, то в СД считают, что вы еще можете пригодиться им. Все, мой милый, в машину! Этот господин проведет вас до самой каюты. Как можно реже оставайтесь на палубе один и как можно быстрее убирайтесь из Дублина в США.

Дверь своей одноместной каюты доктор Брэд открыл только когда «Ирландия» оставила позади себя устье Эльбы и вышла в Гельголандскую бухту. «Если бы агенты гестапо узнали, что ты находишься на этом судне, – сказал он себе, – то перехватили бы его еще на Эльбе. Так что усердно помолись, кажется, ты спасен!».

11

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика.

Море Скоша.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида»

Вечерняя купель и щадящая порция коньяку сделали свое дело: проснулся Брэд, как и положено просыпаться бравому адмиралу во время боевого рейда: со свежей головой и воинственным настроением.

Быстро приведя себя в порядок, он облачился в мундир, затем выпил чашечку приготовленного адъютантом кофе, и, облагородив этот напиток рюмкой французского коньяку, вышел на палубу.

Трудно было определить, что это за время суток: серый туман, серое поднебесье и серый корпус шедшего в правой линии линкора «Онтарио», скользящего по серой поверхности скованного штилем моря. И над всем этим – витание ледящего тело и душу холода.

В Антарктике, к которой приближалась его Полярная эскадра, вся эта ледяная вселенская серость должна была именоваться «антарктической весной», с ее круглосуточным «полярным днем». Но пока что они находились где-то между Атлантикой и Антарктикой, между Южной Америкой и Северной Антарктидой, и стоит ли удивляться, что все в этом неопределенном «промежутке» оставалось промежуточно-неопределенным?

– Где, конкретно, мы пребываем, кэптен? – поеживаясь, спросил полярник у приближающегося командира авианосца, который, завидев адмирала, поспешил к нему с командного пункта.

– Два часа назад миновали острова Шишкова и Мордвинова из Южно-Шетландского архипелага.

– Неужели и здесь русские?! – возмутился Брэд с такой искренностью, будто впервые слышал о подобных островах.

– Они оказались открывателями этих земель, – объяснил кэптен извиняющимся тоном, словно это он сам только что наделил эти острова именами русских мореплавателей. – Мне тоже не хотелось бы видеть их имена в этой части мирового океана.

– Однако справедливость требует... – признал правоту картографов адмирал.

– Вскоре справа по борту появится остров Жуэнвиль. И тоже, как видим, назван именем француза, а не кого-то из потомственных майамских моряков.

Они прошли на командный пункт и несколько минут молча осматривали в мощные бинокли пространство впереди.

– Аргентинская субмарина больше не нагнала?

– Не замечена.

– Что, вообще в течение ночи никаких странных явлений больше не наблюдалось?

– Вчерашнее появление судна-айсберга, очевидно, следует воспринимать как чье-то предупреждение. Но чье? И почему оно преподнесено таким странным образом?

Адмирал выслушал его молча. Он предпочитал не возвращаться к теме «Ледового Титаника» до тех пор, пока в этом событии что-либо не прояснится. Уловив его настроение, кэптен тоже умолк, однако его безмолвие длилось недолго. Уже через минуту дежурный радист доложил, что поступила шифрограмма из штаба флота. Сообщали, что никаких сведений о судах, созданных из льда, в Регистре Ллойда не имеется. Там даже не слышали о том, чтобы кому-либо приходило в голову создавать их.

– Странно, – проворчал адмирал. – И это называется «Регистр Ллойда»!

– Да, но если ни одна из стран не сообщала о постройке этого айсберга-судна из нашего арктического миража, – мягко возразил Вордан, – тогда...

– Слышать об «Аввакуме» они обязаны были, – отрубил адмирал, – невзирая ни на какую секретность его создания и испытаний. Во всяком случае, хвастаться этим неведением лloyd-довцам не пристало.

Вчерашний необъявленный визит сразу двух странных судов-призраков не давал ему покоя большую часть ночи. У Брэда появилось гадкое предчувствие неудачника. Даже проявления успеха дней минувших он начал воспринимать теперь как некие знамения грандиозного провала. Сначала ему показалась странной и несвоевременной сама идея военного рейда в Антарктиду. Проявляя здравомыслие, Брэд полагал, что сначала следовало, не привлекая особого внимания и не поднимая шумихи, направить в Новую Швабию небольшую, но хорошо экипированную и технически оснащенную экспедицию. В качестве командующего эскадрой тогда рассматривался другой контр-адмирал, и Брэд на его должность не претендовал, он хотел лишь мирного развития антарктической эпопеи.

Целью этого ледового десанта, убеждал он в свое время адмирала флота, должна была бы стать разведка в окрестностях германской «Базы-211», если таковая вообще существует. А еще нужно было обнаружить хоть какие-то убедительные признаки существования так называемого Внутреннего Мира – некоей особой подземной цивилизации. Хоть какие-то. А еще лучше – попытаться установить связь с ее представителями. Ведь удалось же это, по слухам, экспедиции барона фон Риттера. Возглавить именно эту экспедицию и готов был контр-адмирал Роберт Брэд. Однако атомно-бомбовая победа над Японией кому-то там, в штабе Военно-морских сил, настолько вскружила головы, что решено было организовать не высадку антарктической разведывательной группы, а рейд мощной военной эскадры. Только теперь уже с ним, адмиралом Брэдом, во главе.

– Зато теперь мы точно знаем, что рассчитывать на их помощь не имеет никакого смысла, – несколько запоздало утешил его командир авианосца.

Но вместо ответа адмирал потребовал, чтобы его связали с флагманским ледоколом отряда commodore Бертолдо. Брэд, как это часто случалось с ним, вдруг впал в свое «полярное молчание», которое иногда могло длиться часами, и из которого он и сам не всегда способен был выйти.

По каким-то причинам установить связь с «Принцем Эдуардом» удалось не сразу, и то время, которое Брэд провел в своем молчаливом ожидании, показалось ему вечностью.

– Что там у вас происходит, commodore? – резко спросил он, когда в трубке наконец-то прорезался высокий, явно не командирский, голосок Антуана Бертолдо. Штабные языки утверждали, что именно из-за этого, режущего слух всякого старого моряка «голоска», Бертолдо в свое время так и не возвели в чин контр-адмирала.

– Ждем вас. Ведем ледовую разведку и готовимся к рейду на Новую Швабию, сэр, – четко доложил commodore.

– Никакие подозрительные иностранные суда в районе вашего базирования не появлялись?

– Подозрительные? Нет.

– Убеждены?

Бертолдо понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что скрывается за этим провокационным вопросом.

– Если речь идет о бдительности, то... субмарина «Хардести» постоянно патрулировала подходы к стоянке. Правда, в течение двух суток рядом с нами в бухте находился аргентинский китобоец «Кордова», команда которого занималась ремонтом судна после столкновения с айсбергом.

– Вот с этого и следовало начинать свой доклад! – рявкнул Брэд. – Значит, аргентинский китобоец все же стоял рядом с вашими судами? А вы говорите, что ничего подозрительного.

– Позвольте, сэр, это обычное китобойное судно, старое и ржавое, которое давно следовало списать. Мне уже приходилось встречаться с ним в прошлом году, я знаком с его капитаном. Вчера, по его просьбе, переправлял на «Кордову» сварщика.

– Понятно-понятно, коммодор, – примирительно молвил командующий эскадрой. – Кто-нибудь из китобоев проявлял какой-то особый интерес к вашему отряду и его целям?

– Особого, профессионального интереса не наблюдалось. Час назад «Кордова» ушла в сторону Земли Палмера.

Брэд помолчал, и Бертолдо уже решил было, что разговор завершен, как вдруг контр-адмирал вновь «ожил».

– В вашем районе, наверное, много айсбергов? – Брэд так и не решился напрямую спросить о появлении в районе стоянки ледоколов судна-айсберга, опасаясь того, что придется слишком долго объяснять коммодору предысторию столь странного вопроса.

– На траверсе все еще высится одна громадина. Мы опасались, как бы она не двинулась на нас и не заблокировала выход из бухты. Китобои утверждают, что такое здесь уже случилось. Видите ли...

– Понятно, понятно, – едва скрывая раздражение, прервал его Брэд. – Обойдемся без подробностей.

– В таком случае, какие последуют приказы, сэр? – мгновенно сориентировался Бертолдо.

Выяснив у кэптана, в каком квадрате находится сейчас их эскадра, адмирал приказал коммодору вести свой отряд на сближение с основными силами, которые уже взяли курс на мыс Норвегия, выступающий на северной оконечности берега Принцессы Марты. И указал Бертолдо координаты, в которых их отряды должны будут встретиться.

– Через полчаса вернутся моряки, гостящие на базе полярников, и мы сразу же направляемся в море Уэдделла, сэр.

Тот факт, что за время, понадобившееся отряду Бертолдо, чтобы добраться до Антарктического полуострова и дожидаться эскадры, коммодор не заметил ничего стоящего внимания военного моряка, должно было бы успокоить Брэда. Однако на самом деле такое невнимание к разведывательно-ледокольному отряду коммодора лишь усложнило его понимание того, что происходит вокруг эскадры, и породило несколько дополнительных вопросов.

Впрочем, адмирал прекрасно понимал, что, к какому бы выводу он ни пришел, на поставленную перед эскадрой задачу повлиять это уже не сможет.

– А мне почему-то кажется, что наш рейд будет удачным, – молвил полковник разведки Ричмонд, успевший появиться на командном пункте в разгар переговоров адмирала с коммодором.

– Это вам предчувствие разведчика так подсказывает? – саркастически осклабился кэптен, хотя полковник явно обращался к контр-адмиралу.

– У вас есть повод не доверять ему? – мгновенноотреагировал Ричмонд, даже не повернув к нему головы.

– Почему же?! Овеянное легендами чутье...

– Лучше бы вы связались с генералом Доновэном, – вмешался контр-адмирал, – и попросили поднять на ноги наших агентов, работающих в южной части Аргентины. Возможно, им удастся что-либо узнать о странной аргентинской субмарине, разгуливающей с германскими крестами на командной рубке.

– Такой запрос уже послан, сэр. – И только теперь Ричмонд победно взглянул на кэптана. На авианосце у полковника разведки была своя рация, расположенная в той же каюте, в которой

обитали двое его подчиненных. – Думаю, в ближайшие два-три дня мы будем знать не только имя командира субмарины, но и постельные клички всех его любовниц.

– Я терпеть не могу слежек и доносов, полковник, – сказал Роберт Брэд, – но случай у нас особый. Поэтому хочется быть уверенным, что и на борту у нас не оказалось кого-то, кто под полосатым флагом скрывал бы свастику или красную звезду.

– Никакие угрызения совести по этому поводу преследовать вас не должны, сэр. Я официально отвечаю за внутреннюю безопасность экспедиции и, кроме штатных сотрудников, у меня есть несколько «откровенных» парней, которые не утаят от нас никакого проявления в эскадре недружественных нам сил.

– Это успокаивает, – безо всякого энтузиазма обронил контр-адмирал. И в ту же минуту вахтенный офицер объявил, что впереди, слева по борту, возник силуэт огромного айсберга.

Брэд перешел на левую часть командного пункта, остановился рядом с вахтенным и поднес к глазам бинокль. Нет, это был не тот «ледовый голландец», от опеки которого они с таким трудом избавились вчера. Убедившись в этом, адмирал облегченно вздохнул. Передняя, самая высокая часть этой громадины в каких-то своих очертаниях напоминала покоящуюся на домашнем коврике морду лежащего бульдога.

– Ведет он себя, вроде бы, вполне естественно, – неуверенно произнес вахтенный офицер.

– И все же присмотреться к нему надо. – Молвив это, Брэд понял, что теперь он уже до конца дней своих с подозрением будет присматриваться к любой встретившейся ему ледяной глыбе. И что ледяные осколки давно минувших тысячелетий уже никогда не смогут вызывать у него того восхищения, которым он проникался во времена всех своих предыдущих экспедиций.

Ничто так не очаровывало его в этом мире, как айсберги. Он и «полярным паломником» стал только потому, что еще в юности был потрясен фотографиями, на которых были запечатлены заснеженные горы хребта Брукс на Аляске и невероятной формы и красоты айсберги, величественно восстающие то посреди моря Бофорта, то в Датском проливе у юго-восточных берегов Гренландии.

С той поры, когда школьник Роберт Брэд познакомился с этим красочным фотоальбомом, подаренным ему отцом, капитаном рыболовецкого судна, ко дню рождения, – все остальные его впечатления детства растворились в одном-единственном стремлении: во что бы то ни стало побывать в краю айсбергов и собственными глазами увидеть красоты арктических гор.

12

Ноябрь 1946 года. Антарктика.

Море Уэдделла.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида»

Адмирал завтракал в своем номере, когда стюард, принесший ему кофе, положил рядом с салфеткой записку, написанную почти печатным готическим шрифтом, каллиграфическим женским почерком.

– Прошу прощения, сэр, но журналистка очень просила передать вам это свое маленькое послание.

– Какая еще журналистка? На борту разве есть журналистка? – искренне удивился Брэд.

– Что не может вызывать никакого сомнения, сэр. – Стюард мог служить классическим образцом американского метиса. Его продолговатое лицо цвета молочного шоколада было не по-мужски миловидным, а форма сидела на нем с такой безупречностью, словно над ней колдовали лучшие портные Парижа. – Она слишком красива, чтобы усомниться в этом.

– Ах да, вспомнил, – поморщился Брэд, – среди журналистов действительно оказалась женщина...

«Мне хотелось бы встретиться с Вами, господин контр-адмирал, чтобы сделать интервью для швейцарского журнала Общества естествоиспытателей «Исследователь», – сообщалось в записке. – Обещаю не отнимать у вас лишнего времени и не задавать вопросов, касающихся аномалий Вашей личной жизни. Обозреватель Эльза Крафт».

Она допустила грубую ошибку, пообещав «не задавать вопросов, касающихся аномалий личной жизни», сказал себе адмирал. Слишком грубый намек на обладание некой информации, граничащий с завуалированным шантажом. Человек, пишущий такие записки, не имеет права рассчитывать на то, что ему будет уделять какое-то особое внимание командующий эскадрой.

– Передайте этой самодовольной дуре, – отшвырнул он записку, – что «аномалиями личной жизни» она может запугивать трюмных seaman's-recruit's²⁵.

– Есть передать, сэр.

– И напомните, что ей прекрасно известно, у кого она может получать всю официальную информацию – это лейтенант-коммандер Отто Шведт, очевидно, ее соплеменник.

– Я слышал, как они разговаривали между собой на германском, сэр.

– Значит, я не ошибся.

– Это господин Шведт назвал ей ваше имя и, очевидно, посоветовал обратиться с этой запиской.

– Тоже владеете германским?

– Двумя десятками фраз, сэр.

– На этом судне можете считать себя эскадренным полиглотом.

– Благодарю, сэр. Осмелюсь заметить, что она действительно очень красива, сэр.

– Так «заметить» или сразу же посоветовать? – мягко поинтересовался адмирал, чуть не обжегшись огненным кофе. – Вы уж, будьте добры, договаривайте, младший матрос²⁶.

– Прошу прощения, сэр. – Даже сквозь естественную «шоколадность» лица стюарда просматривалась теперь предательская бледность, выдававшая его испуг. – Я всего лишь позволил себе высказать мнение, сэр. Понимаю, что делать этого не следовало, сэр.

²⁵ То есть матросов-рекрутов, рядовых матросов. Самый низкий чин на флоте США.

²⁶ Младший матрос приравнивается к рядовому первого класса армии США или к капралу морской пехоты.

– Зато я буду знать, к кому обращаться за советами в подобных случаях, – добродушно ухмыльнулся адмирал. – Напомните о себе в ближайшем порту, наш эскадренный полиглот.

Как только стюард закрыл за собой дверь, адмирал тотчас же связался с полковником разведки и попросил занести ему данные на швейцарскую журналистку Эльзу Крафт. Ричмонд не давал знать о себе добрых полчаса, так что можно было подумать, что он то ли запрашивает сведения у швейцарской службы безопасности, то ли с пристрастием допрашивает саму журналистку. Брэд уже совершенно разуверился в возможности пообщаться с полковником на эту тему еще раз, когда в дверь каюты постучали.

– Не полагаясь на телефон, которому я по привычке хронически не доверяю, решил сам заглянуть к вам, – объяснил он командующему эскадрой.

– Доложите, – оторвался Брэд от чтения «Дневника капитана Скотта», который специально прихватил с собой в этот рейд. Записки этого антарктического неудачника он почитал с таким же уважением, как и «клондайкские» рассказы Джека Лондона.

– Сведения, касающиеся Эльзы Крафт, сэр. Двадцать девять лет, – назвав возраст журналистки, Ричмонд оторвал взгляд от бумажки и вопросительно взглянул на адмирала.

– Буду знать, что определить возраст женщины для нашей разведки – не проблема, – мрачновато отреагировал тот. И тем не менее, движением руки указал полковнику на кресло, в которое тот может опуститься.

– Уроженка Цюриха. Университет в Женеве. Дочь банкира. – Опять вопросительный взгляд на адмирала, однако на сей раз без какой-либо реакции.

– И жена управляющего одного из крупнейших швейцарско-австрийских банков.

– Я не собираюсь делать ей предложение, полковник, – не стал дожидаться очередного вопросительно-пронизывающего взгляда Полярный Паломник.

– Это всего лишь строчки из биографии журналистки Эльзы Крафт, сэр. Получила журналистскую премию за статьи по проблемам экологии и исследования альпийских ледников. Альпинистка. Побывала на нескольких альпийских вершинах. Увлекается охотой.

– Какой еще охотой?

– На медведей и волков. То есть классическим мужским занятием. Отличается снайперской меткостью. Кстати, страстная коллекционерка айсбергов, разумеется, в виде открыток, фотографий и прочих отображений.

В этом месте адмирал вздрогнул и теперь уже сам вопросительно взглянул на полковника разведки, который, несомненно, хорошо был осведомлен и об его, Брэда, собственном увлечении. До коллекционирования открыток он, ясное дело, не снисходил, но кто не знает, что домашний и служебный кабинеты его увешаны картинами, от которых веет космическим холодом Арктики и романтикой первых золотоискателей на Юконе в духе Джека Лондона?

– Излишние подробности, – скептически подвел итог адмирал.

– Однако женщина, судя по всему, суровая.

– Это все?

Ричмонд выразительно пожал плечами.

– У нее прекрасные рекомендации и редакционная аккредитация. Никаких иных препятствий, кроме нежелательности появления на военном судне гражданского женского пола, при ее допуске к участию в экспедиции не возникало.

– Понятно. Благодарю за оперативность. Хотите что-то добавить? – спросил адмирал, видя, что полковник все еще не торопится «откланиваться». И даже не поднялся из-за столика.

– Почему вас заинтересовала личность этой журналистки, сэр?

– Уже хотя бы потому, что она – журналистка, – сделал Брэд ударение на последнем слого, – а не журналист.

– Мне почему-то показалось, что вас что-то настораживает в самом факте появления этой женщины на борту авианосца.

– Я представления не имею об этом человеке, которого ни разу в жизни не видел. Но дело не в этом. Не думаю, что это ваши собственные наблюдения, полковник.

– Почему?! – изумился Ричмонд.

– Подозреваю, что сейчас вы пользуетесь чьей-то подсказкой.

– Почему вы так решили?

– Например, моего стюарда, младшего матроса Эстадио.

Полковник замялся и нервно потер рука об руку, словно пытался отогреть их после длительного пребывания на морозе.

– Нет, я, конечно, поинтересовался, знаком ли он с госпожой Крафт.

– И этого оказалось достаточно.

– Простите, адмирал, но у разведки свои методы сбора информации, которые вы совсем недавно поощряли.

– Не отрицаю, – сухо пробубнил адмирал. – Просто я не думал, что ваше рвение столь бурно проявится на единственной на этом судне (остальные шестеро военнослужащих – не в счет) по-настоящему красивой, как меня убеждали, женщине.

– А тем временем, – стоически принял этот удар ниже кобуры колонел от разведки, – я узнал, что госпожа Крафт упорно пытается пробиться к вам в каюту. Только для того, чтобы взять интервью, разумеется, – поспешно уточнил Ричмонд.

– Тем более – не отрицаю. И не вздумайте устанавливать за этой журналисткой слежку, – и это прозвучало так, словно адмирал предупреждал, чтобы Ричмонд не вздумал ухаживать за ней.

– Это исключено, сэр, – иронично заверил командующего питомец генерала Доновэна, – авианосец «Флорида» – часть свободной, демократической Америки, сэр.

– Поэтому сосредотачивайтесь на остальных четырех, – в том же тоне и духе предложил ему адмирал. – Вы свободны, полковник.

Разговор с Ричмондом оставил в душе Брэда настолько гнусный отпечаток, что ему тотчас же захотелось пригласить ничего не подозревающую Эльзу Крафт к себе в каюту. Разумеется, только для того, чтобы позволить проинтервьюировать себя. Тем более что в «портрете», созданном для него холодной информационной кистью разведчика, уже появилось нечто такое, что способно было заставить адмирала-полярника относиться к ней с должным уважением.

...Но вместо голоса швейцарки в телефонной трубке прозвучал голос вахтенного офицера:

– Докладываю, сэр, что айсберг никоим образом не проявил себя. Есть основания считать, что это был самый обычный айсберг. И теперь он остался далеко позади эскадры.

– И все же следите за каждой льдиной, которая приближается к эскадре, и особенно к нашему судну.

– Есть, следить, сэр.

Адмирал уже подумывал о том, чтобы прилечь на несколько минут, дабы окончательно вытравить из себя остатки ночной бессонницы, как вдруг по внутренней спецсвязи позвонил полковник Ричмонд.

– Забыл сообщить интересную деталь, о существовании которой вы наверняка не знаете.

– И опять-таки она касается журналистки-альпинистки?

– Когда окончательно решался вопрос о назначении командующего Полярной эскадры и рядом с вашим именем появилось имя еще одного полярного моряка-исследователя, но с более углубленной морской подготовкой, все решила бросающаяся в американском исследовательском журнале «Исследования в Арктике и Антарктиде», автором которой стала некая швейцарская журналистка Эльза Крафт.

Адмирал, знал, что этот журнал издается очень небольшим тиражом и распространяется в узком кругу специалистов. Тем не менее к нему постоянно проявляют интерес в канцелярии

президента, в штабе ВМС и в разведке. После огненной войны в Европе и в Азии теперь разгоралась ледяная война нервов за обладание огромными просторами Арктики и Антарктики, все проявления которой на страницах «Исследований в Арктике и Антарктике» отслеживались тщательно и профессионально.

– Это еще одна шутка из матросского кубрика, полковник?

– Никак нет, сэр.

– В таком случае жду объяснений.

– Просто люди, от которых зависело решение вопроса, узнали об этой статье и получили ее по почте еще до того, как журнал увидел свет. А увидел он его только тогда, когда мы уже были на Фолклендах.

Адмирал растерянно молчал, ему нужно было какое-то время, чтобы прийти в себя от всего только что услышанного.

– Это может остаться сугубо между нами, сэр: вы действительно знали о подготовке этой статьи?

– Для меня это сногшибательная неожиданность.

– А ведь пока вы готовили эскадру к отходу, по штабу ВМС ползали всевозможные слухи о том, что будто бы вы знакомы с Крафт и статья появилась по вашей просьбе.

– Почему же никто так прямо и не спросил меня об этом.

– Во-первых, вы были за сотни миль от штаба, а во-вторых, это было бы неэтично. Да и вряд ли вы признали бы этот факт.

Только теперь вдруг адмирал вспомнил, что один из офицеров, сторонников его назначения, прибывший с проверкой готовности эскадры к антарктическому походу, намекнул ему на какую-то статью в журнале:

«Эта странная статья в журнале, которая откровенно дискредитирует вашего соперника и возносит к вершинам профессиональной чести вас... – сказал он на прощальном фуршете. – Кто бы мог подумать, что она окажет такое влияние на ход событий?!».

«Какая еще статья?», – благодушно поинтересовался тогда Брэд. И встретился с удивленным и слегка разочарованным взглядом кэптен-штабиста.

«Впрочем, теперь это уже не важно, – вынужден был отступить кэптен-штабист Хордсэн. – Просто, когда я, по просьбе редактора журнала, докладывал о ней своему шефу, чтобы он, в свою очередь, доложил главному ВМС, то не предполагал, что она может оказать такое воздействие. Тем более что это еще была, собственно, не журнальная публикация, а всего лишь верстка ее».

Погоди, сказал себе Брэд, ты совсем упустил тогда из виду эти его уточнения: что «по просьбе редактора журнала», и что статья попала в штаб еще в версточном виде, задолго до выхода самого журнала. Если бы ты оказался внимательнее, то открыл бы для себя, что статью специально написали и в буквальном смысле подсунули еще в версточном виде штабистам ВМС. Значит, кто-то очень был заинтересован в том, чтобы командующим эскадрой стал именно ты. Кто и с какой стати? И почему об этом не известили тебя?».

Объяснение, попытался уяснить для самого себя Брэд, может быть только одно: главной целью организаторов этой публикации было – сокрушить человека, оказавшегося твоим основным соперником. Любой ценой не допустить его к командованию эскадрой. А уж кто там окажется потом в каюте командующего – особого значения для них не имело.

– Тогда почему вы решили, что я признаю его сейчас? – вернулся адмирал к разговору с полковником разведки.

– Потому что теперь мы уже в Антарктике и командуем эскадрой именно вы, а не кто-либо другой из бывших претендентов на эту должность.

– Но вы понимаете, что привязка моего назначения к появлению некоей статьи в журнале – унизительна для меня.

– И даже оскорбительна, – не стал жалеть его полковник разведки. – Мне это понятно, сэр. Но я никогда бы не завел разговор об этом, если бы вы сами не заинтересовались появлением на борту авианосца госпожи Крафт. И поскольку такой интерес у вас возник, то, по долгу службы, я обязан был...

– Но в этом и подобных ему журналах появляются сотни всевозможных статей, в том числе и скандальных. Почему именно эта оказала такое давление на штаб ВМС и канцелярию президента?

И тут полковник вновь не только с любопытством, но и с чувством какой-то неловкости взглянул на контр-адмирала. «Что «не так» на этот раз?» – насторожился Брэд, предчувствуя, что и на сообщении о статье информационный «ящик Пандоры» полковника не исчерпал себя.

– Вы действительно не в курсе, сэр?

– В курсе чего, полковник?

– Что рейд вашей эскадры мог бы и не состояться. Как не была бы сформирована и сама эскадра. Сенаторы отказывались голосовать за выделение таких средств на весьма сомнительное предприятие, не сулящее Штатам ничего, кроме огромных финансовых затрат. Они считали, что Америка слишком много экономических потерь понесла в годы войны, чтобы уже через два года после нее позволять себе подобные антарктические прогулки.

– Да, я слышал, что рейд чуть не сорвался из-за возникших финансовых проблем. Но ведь в конечном итоге все решилось. А разве экспедиции англичанина Роберта Скотта, норвежца Амундсена, немцев Филшнера в 1910 году на корабле «Дойчланд» или Мерца – в 1925 году на корабле «Метеор» не становились на грань срыва в связи с такими же финансовыми трудностями?

– Эти трудности возникли не в связи с вашим назначением, сэр, – холодно заметил полковник. – И вообще, сейчас нас интересуют не причины финансовых проблем, а то, каким образом они были устранены. Дело в том, что автор статьи и редактор журнала оказались хорошо осведомленными об этих проблемах. Ну а решение самих проблем явилось полной неожиданностью для организаторов рейда. Швейцарско-австрийский «Альпийский банк», возглавляемый мужем госпожи Крафт, неожиданно предложил круглую сумму пожертвований на, как было обусловлено в контракте, «организацию антарктической экспедиции доктора Брэда».

– Таковым было условие банка?! – переспросил Брэд, отказываясь верить словам полковника.

– Вот именно, сэр. Адмирал флота был удивлен не меньше, чем вы сейчас.

Доктор Брэд в изумлении покачал головой и, склонив голову на грудь, задумался. «Однажды тебя уже пытались втянуть в антарктическую авантюру, – напомнил себе адмирал. – Но тогда все выглядело скромнее, и единственное, что от тебя требовалось, так это участие в экспедиции. Теперь все выглядит грандиознее, но опека тоже довольно навязчивая. Знать бы, что за этим скрывается, кроме, конечно, докторских амбиций некоей альпинистки-банкирки».

– Дальше, – подстегнул он полковника, поигрывая пустой кофейной чашкой.

– После подписания контракта с «Альпийским банком» вопрос о том, может ли кто-либо оттеснить вас от должности командующего, уже не возникал.

– Но я так понимаю, что жертвованием дело не ограничилось?

– Еще вдвое большую сумму «Альпийский банк» выделил в виде очень выгодного кредита.

– С условием?..

– В том-то и дело, что каких-то особых условий кредиторы не выдвигали. Кроме одного, ничтожного и вполне приемлемого – что госпоже Крафт, которая, к слову, и сама является крупнейшим акционером «Альпийского банка», будет позволено принимать участие в экспедиции, после завершения которой, она получит доступ ко всей научной информации, собранной группой ученых Полярной эскадры.

– И организаторы рейда согласились с такими условиями? – механически как-то уточнил адмирал. На самом деле его интересовало сейчас не это.

– Речь ведь идет о сугубо научной информации, – напомнил ему колонел, – которая особой ценности для нас не представляет. Точнее, представляет для нас такую же ценность, как и для всего прочего мира.

– Вы хотели сказать: «Которой все равно придется делиться с остальным миром».

– Вы правы, сэр. Но в массе этой информации госпожа Крафт не получит ничего того, что будет касаться «Базы-211» и Внутреннего Мира. А все, что она вздумает написать без нашего разрешения, будет подвергнуто опровержению как дешевый вымысел «во имя сенсации на страницах желтой прессы». Всех пленило другое – что «Альпийский банк» не требовал никаких гарантий, никаких залогов; похоже, его вообще не интересовали вопросы финансового риска.

– Что, естественно, не могло не вызывать подозрения... – молвив это, адмирал вдруг поймал себя на том, что вот уже несколько минут подряд он по существу допрашивает полковника разведки, выдавливая из него все новые и новые порции сведений. Хотя начиналась беседа с того, что полковник разведки пытался выжать из него какую-то информацию, которая позволила бы последними мазками довершить развед-портрет загадочной банкирши Эльзы Крафт.

– Правда, сам банк возник относительно недавно, собственно, лишь в конце войны, и некоторые опасения вызывает его финансовое благополучие, в основе которого лежат какие-то сомнительные средства, возникшие в ходе Второй мировой войны.

– Говорите прямо: что в основе финансового благополучия банка лежат деньги нацистской партии Германии вместе с секретными счетами СС и гестапо.

– О нет, прямых указаний на это не получено. И потом, сейчас, в сорок седьмом, послевоенном, трудно найти процветающий европейский банк, который бы не нажил свой капитал на этой самой войне. Тут у меня есть несколько интересных записей, – полез полковник в карман за записной книжкой, однако доставать ее так и не стал.

Роберт Брэд не ответил.

Взглянув на адмирала, полковник разведки обратил внимание, что тот сидит, откинувшись на спинку кресла, и рассеянно смотрит куда-то в потолок. Ричмонду показалось, что командующий пребывает в состоянии, близком к шоковому. И не ошибался. Еще несколько минут назад адмирал Брэд и представить себе не мог, какой пласт событий и пласт его собственной судьбы скрывается за именем иностранки, которую он до сих пор не удостоил даже мимолетным вниманием.

– Из неофициальных источников стало известно, что на основе полученных сведений госпожа Крафт намерена защитить докторскую диссертацию, а обещанные ей гонорары от публикаций в швейцарской, австрийской и шведской прессе почти полностью покроют сумму пожертвований ее мужа. Плюс реклама банка, которая...

– Такие подробности меня, полковник, уже не интересуют, – решительно прервал его Брэд.

– Как прикажете, сэр, – спокойно воспринял это Ричмонд. – Но мне хотелось всесторонне подготовить вас к разговору с госпожой Эльзой Крафт.

– Я к нему уже готов.

– Теперь я в этом тоже почти уверен, – только теперь поднялся полковник со своего места. – Если говорить честно, то мне очень хотелось бы присутствовать при вашем первом разговоре. – Перехватив удивленный взгляд адмирала, Ричмонд едва заметно улыбнулся: – Лишь при первом, сэр, сугубо деловом, разговоре. И не из мужского, а из чисто профессионального интереса к этой германке.

– Весьма признателен вам за предоставленную информацию, – убил в нем надежду на участие во встрече доктор Брэд. – Она оказалась сногшибательной.

Лицо полковника разведки вмиг стало постным и мрачным. Информация, которую он только что продал командующему Полярной эскадрой, стоила значительно дороже сухой признательности. Понимал он и то, что не решится просить адмирала поделиться с ним конфиденциальной информацией, которую, возможно, удастся извлечь из этой встречи.

Будь Роберт Брэд обычным адмиралом, полковник, конечно, попытался бы превратить его в своего информатора. Однако перед ним стоял не просто адмирал, а ученый и арктический путешественник с мировым именем. И это неимоверно усложняло задачу «вербовки».

– Как выражается в подобных ситуациях мой брат-физик, – не скрывая своего разочарования, проговорил полковник, – вы оказались «в петле событий», из которой я великодушно попытался изъять вас.

– Почему я не видел госпожу Крафт среди журналистов, поднимавшихся на борт во время отхода эскадры из Нового Орлеана? – пропустил мимо ушей его «великодушие» адмирал.

– Потому что она взошла на него уже на Фолклендах, в Порт-Стенли, куда прибыла на частном самолете. Она может позволить себе такие рейсы, сэр.

– Теперь многое проясняется. – Однако это он произнес вслух, а мысленно добавил: «А проясняется только то, что «петля событий» затягивается все туже и безнадежнее.

13

Ноябрь 1946 года. Антарктика.

Море Уэдделла.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида»

Полковник давно покинул каюту адмирала, а тот все сидел, откинувшись на спинку кресла, в позе человека, только что извлеченного, но только не из «петли событий», а из самой настоящей петли. И чувствовал он себя предельно уставшим и опустошенным.

«А что, собственно, тебя задевает в этой истории? – спросил себя Брэд, пытаюсь найти примирение между двумя раздвоившимися в его сознании личностями. – То, что некая фрау попыталась употребить все свои финансовые и личностные возможности, чтобы попасть на борт флагманского авианосца? Все те финансовые игры, которые затеял вокруг рейда Полярной эскадры некий «Альпийский банк»? А тебе известно, какие сюжеты возникали вокруг этого рейда в отношениях между развекой, командованием ВМС и президентской командой, прежде чем было получено добро на его проведение. А главное, были определены его явные и тайные цели? Тогда какого дьявола ты пытаешься разыгрывать из себя уязвленного святошу?».

Вахтенный офицер доложил ему, что отряд коммодора Бертольдо уже приближается к указанному командующим квадрату, эскадры пока не наблюдает и предупреждает о надвигающемся тумане и скоплении южнее расположения отряда нескольких айсбергов.

– Принято к сведению, лейтенант-коммандер, – устало ответил адмирал, думая сейчас о не менее опасной встрече с айсбергом в женском обличье. При этом Брэда не покидало предположение, что от него, до поры, специально скрывали все, что касалось переговоров с «Альпийским банком». – Продолжайте наблюдение.

Вызвав адъютанта, адмирал долго молчал, словно вдруг забыл, зачем пригласил его. Шербрук переминался с ноги на ногу, кряхтел, натужно прочищая горло, и вообще, как только мог, привлекал внимание к себе, однако Брэд продолжал прохаживаться по каюте, время от времени едва не задевая его плечом, но всякий раз отрешенно не замечая.

– Что вы там вещали об этой журналистке, Шербрук? – наконец спросил он, останавливаясь спиной к адъютанту.

– Которая мечтает взять у вас интервью, сэр? – как можно вежливее поинтересовался офицер.

– Которая мечтает...

– Я как раз и говорил о том, что она мечтает встретиться с вами, чтобы взять интервью.

– Она видела вас уже после того, как вы сообщили мне о ее просьбе?

– Видела, сэр.

– И вы сообщили ей, что я не намерен встречаться с ней?

– Она не интересовалась вашим мнением, сэр. Внимательно взглянула на меня и промолчала. Я тоже почему-то не решился заговорить с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.